

От автора: «...обычно тексты посвященные «системным архетипам» выходят из под пера сравнительно легко. Возможно потому, что это одна из моих любимых динамических моделей. В ее рамках анализ групповых или внутриспсихических процессов происходит как-то естественно, без интеллектуального надрыва. Однако, «Свидетель» заставил меня изрядно попотеть. Прочитанный осенью 99-го на «Аналитических средах» он пролежал в столе около четырех лет, прежде чем я решил подготовить текст для печати. И тут выяснилось: чтобы полноценно описать динамику Свидетеля нужно ясно видеть процесс системной трансформации в целом. На тот момент подходящей метафоры у меня не оказалось. Также остро встал вопрос о механизме воплощения идеального в материальное, поскольку это имеет к Свидетелю самое непосредственное отношение. За решением этих и других менее «глобальных», но не менее значимых задач незаметно пролетело два года и теперь я, наконец, могу перевести дух. За рамками статьи осталось несколько не вошедших в нее фрагментов и некоторые рабочие материалы, но по большому счету все, чем я хотел поделиться по данной теме, целиком содержится в нижеследующем тексте».

Если какая-либо история оказывается нашим достоянием, это означает, что когда-то однажды она была рассказана первый раз. В основе любой такой истории лежат события: фактические или вымышленные; случившиеся в мире внешних объектов или слепленные из внутриспсихических фантазий. И, конечно, есть некто или нечто присутствующее в момент свершения события где-то неподалеку, иначе как бы мы узнали, что событие вообще имело место. В каком-то смысле, можно сказать, что события без свидетеля как будто и не существуют.

Вся наша Культура сотворена Свидетелями, потому что все то, чем мы располагаем, кто-то, когда-то увидел и смог рассказать об этом остальным.

Нижеследующий текст – это попытка описать сложный механизм организации психических связей, образующих саморегулирующуюся систему. Мы считаем этот процесс универсальным по отношению к любой такой системе, будь то человеческая психика или группа.

1. Свидетель: определение.

Сам термин относится к юридическому лексикону и означает «лицо, которому могут быть известны обстоятельства, подлежащие установлению по данному делу». Особенно оговаривается «способность правильно воспринимать факты или давать по ним правильные указания»^[2]. Другими словами, свидетелем может быть только человек, имеющий адекватный контакт с конвенциональной реальностью. Психологически это означает, что Свидетель, как функция, во-первых, должен быть отнесен к Эго, а во-вторых - связан с работой сознания.

2. Система и Герой.

Функционирование Свидетеля тесно связано с фигурой системного Героя, поэтому нам придется сделать небольшое отступление, чтобы пояснить некоторые принципиальные моменты.

Герой – рабочий орган системной эволюции. В этой своей ипостаси он выступает как непримиримый противник консервативной формации. Речь идет о некоем устоявшемся порядке, форме отношений и связей между различными частями системы. Гомеостаз, свойственный этим связям, позволяет системе существовать с минимумом потребления энергии. Удобство и экономичность образованного порядка с течением времени делает невозможным появление в нем какого-либо нового элемента. Последний воспринимается системой как враждебный или угрожающий. Поэтому он либо игнорируется, либо подавляется. Такое отношение к инновациям и заставляет нас называть систему консервативной.

Консервативная система со временем становится ригидной и теряет адаптационные возможности в ситуации взаимодействия с внешними объектами, что, естественным образом, грозит ей потерей жизнеспособности. Для любой саморегулирующейся и саморазвивающейся системы это серьезная проблема. Ее нельзя решить наскоком. Например, невозможно изменить свойства системных связей так, чтобы исключить или уменьшить консервативные тенденции, ибо это повлечет за собой отказ от принципа гомеостаза^[3]. Также невозможно

представить себе только развивающуюся систему. В этом случае она была бы лишена возможности ассимилировать, перерабатывать новые данные.

Выход заключается в разделении сфер ответственности. Гомеостатическая, склонная к консервации часть главенствует в мире проявленного, управляя уже существующими системными связями, а латентная, скрытая часть – в мире вероятных, еще не проявленных связей. В этой части сосредоточены потенциальные возможности системы, т.е. ее ресурсы развития. Эта инновационная часть вмешивается в работу консервативной только тогда, когда последняя из-за образовавшейся ригидности теряет адаптационные возможности^[4]. Это вмешательство приносит с собой новый элемент, которого не доставало в связях консервативной формации.

В представленной модели столкновение интересов консервативной и инновационной частей рассматривается через метафору битвы Основных сил и Героя^[5]. Последний персонифицирует собой новый элемент, которому надлежит изменить связи господствующей формации. В свою очередь, Основные силы, как главный инструмент сохранения гомеостаза, стремятся сохранить существующий консервативный порядок. Столкновение этих противоборствующих сторон образуют *системный конфликт*, который является источником энергии для всех последующих системных связей. Чтобы прояснить этот момент, обратимся к физической аналогии. Представим себе, что тема для «разногласий» между Героем и Основными силами это некий физический объект, на который они воздействуют каждый со своей стороны. Если мы воспроизведем этот нехитрый опыт с любым физическим телом, то увидим, что в результате такого приложения сил оно начнет вращаться подобно вихрю, юле или волчку. Раскрученный волчок обладает гироскопическим эффектом – ось вращающегося волчка приобретает удивительную устойчивость к внешним воздействиям, которой не было в пассивном состоянии. Эта устойчивость сохраняется до тех пор, пока энергия, переданная волчку противодействующими силами, не будет израсходована. Этот вихрь или волчок есть "axis mundi" - "ось мира". Она соотносима с другими образами исходного центра такими как "Дерево жизни", "Исток истоков", "Божественное яйцо", «Священная гора» и прочее. "Axis mundi" расположена в центре Вселенной и проходит через три космические сферы: небо, землю и подземный мир. В небесной сфере она крепится либо к Полярной звезде либо к Солнцу, и относительно [вокруг] этих неподвижных точек происходит движение небесных тел"^[6].

Битва между Героем и Основными силами, с этой точки зрения, есть момент «раскручивания» волчка вокруг "axis mundi", момент зарождения обновленной формации. Это, в прямом смысле слова, *первое* или *исходное* системное событие, поэтому в религиозном смысле оно обладает свойствами *Откровения*. Оно – первоисточник всех последующих системных смыслов, а также *источник* всей энергии системы. Все отпущенное грядущей формации время (пока крутится волчок), ее связи будут нести в себе отпечаток первого события^[7]. Не важно, идет ли речь об этносе и его национальной идее, или об отдельном человеке с его установками и мировоззрением. В силу особенной важности, первое системное событие должно быть обязательно зарегистрировано, т.е. стать фактом истории. Это означает, что должен быть кто-то выполняющий эту работу. Эту фигуру, или системную функцию мы и назвали «Свидетелем».

Мизансцена первого системного события выглядит следующим образом. В центре находится некий предмет – персонификация новой идеи – это причина системного конфликта. Через точку, в которой пребывает этот предмет, проходит текущая системная граница. В оппозиции друг к другу находятся персонификаторы Основных сил и Героя, каждый со своей стороны границы. Герой хочет «протолкнуть» предмет через границу, «внутри» системы, Основные силы наоборот – желают «вытолкнуть» его за пределы системы. Противодействие между ними раскручивает волчок исходной битвы. Чем больше энергии вложено в его вращение, тем больше старых системных связей вовлекаются в «водоворот» «раскрученной» новой идеи. Некоторые связи рвутся, некоторые образуют новые соединения, радиально расходящиеся от оси вращения. Так образуется новая формация. В силу этого, значение имеет не столько «чистая» победа Героя, сколько сам факт битвы.

По отношению ко всей этой космогонии, Свидетель должен находиться где-то на периферии, подобно хору в структуре античного театра. Во-первых, для того, чтобы запечатлеть всю картину в целом, во-вторых, чтобы избежать участи «фронтального

корреспондента, подобравшегося слишком близко к центру боевых действий». Быть на дистанции от конфликта (в «метапозиции») – одна из интереснейших особенностей Свидетеля, которая, например, используется Эго для реализации идеи самоконтроля и самонаблюдения.

В то же время, Свидетель может быть не только бесстрастным, отстраненным биографом, он также может принимать участие в битве, как спутник Героя. Более того, мы увидим, что такое положение Свидетеля в исходной битве окажется основным. Но и в этом случае, он, в отличие от аффективного Героя, внутренне не вовлечен в сражение^[8].

3. Герой и Свидетель: варианты обновления.

Представим себе идеальную, на первый взгляд, ситуацию, когда Герой приходит в уже совсем одряхлевшую систему. Ее Основные силы более не могут эффективно сохранять целостность системной границы от вторжений Героя, поэтому системное обновление видится мало затратным мероприятием. Почему бы инновационной части спокойно не подождать, пока консервативная сама себя не изживет?

На практике такой ход мысли себя не оправдывает, потому что у пришедшего в систему Героя не окажется достойного соперника. Это значит, что волчок грядущей обновленной формации не может быть раскручен, и новый порядок не состоится. С физической точки зрения, чтобы тело смогло перейти в состояние устойчивого вращения, нужно приложить *примерно равное по силе, но противоположное по направлению, воздействие*. Поэтому, *Герой приходит в систему, с одной стороны, когда она уже нуждается в модификации, с другой, когда ее Основные силы все еще способны оказать Герою достойное сопротивление*.

Все это делает исход битвы Основных сил с Героем не таким предсказуемым. И хотя победа Героя диалектически обоснована, столкновение с Часовым и Основными силами имеет неоднозначный исход, как для Героя, так и для сопутствующего ему Свидетеля.

Мы выделили три возможных варианта – «прямой», «отложенный» и «затянутый».

□ Первый вариант («Прямой»).

В этом варианте Герой побеждает персонификатора^[9] Основных сил системы, а транслируемые Героем ценности и идеи занимают главенствующее положение в этой системе. В этом случае сопровождающий Героя Свидетель является хранителем этих ценностей, «идеологом», активно помогая переписывать системную историю в соответствии с новым порядком. В этом варианте Свидетелю ничего не угрожает, поскольку информация, которой он располагает, ничем не противоречит господствующей формации. Воспоминания Свидетеля приобретают статус объективных фактов и ложатся в основу официальной истории. С течением времени, Свидетель целиком вкладывается в организацию и поддержку системных связей.

□ Второй вариант («Отложенный»).

Здесь Герой проигрывает главное сражение Основным силам и погибает. Однако в живых остается сопровождающий его Свидетель, чья деятельность питает системный резонанс на частоте героического деяния. Он не просто хранит информацию о битве между Героем и Основными силами, он транслирует ее, подавая материал через призму ценностей и идеалов погибшего Героя. За что и подвергается атакам со стороны господствующей формации (Основных сил).

Здесь следует объяснить, почему вообще оказывается возможным реформирование системы по «отложенной» схеме. Герой, как инструмент инновационной части, заявляет о себе, когда потребность в переменах уже назрела. Например, некоторое бессознательное напряжение, вызванное изменением внешних и внутренних условий существования сообщества, не находят выражения в культурных средствах господствующей формации. Напряжение не «наименовывается», не «опредмечивается». Ему не предоставляется путей разрядки. Это значит, что оно нарастает с течением времени.

В «отложенном» варианте, поверженный Основными силами Герой, оживает вновь в историях Свидетеля. Его образ становится привлекательным для идентификации, поскольку его «предвыборная программа» содержит решение проблемы с бессознательным напряжением. Идентифицируясь с образом Героя, отдельный член сообщества испытывает облегчение, поскольку теперь его напряжение обретает форму, и он подспудно знает, что

нужно делать, чтобы оно разрядилось. Можно сказать, что деятельность Свидетеля, в рамках этого варианта, «запустила волчок» в каждом отдельном члене сообщества.

Таким образом, опасность для текущего гомеостаза представляет не столько сам Герой (героическое деяние – единично и разово), сколько Свидетель способный сохранить память об этом деянии (т.е., фактически, «растиражировать» его, превратив тем самым в настоящее культурное явление). Именно рассказанная Свидетелем история, совершает в массах культурный переворот, уничтожающий ригидную формацию. Это, в свою очередь, подразумевает конечное торжество уже мертвого Героя.

В «отложенном» варианте Свидетель часть времени пребывает под угрозой, потому что хранимые им знания подтачивают фундамент текущего системного равновесия и обесценивают предыдущее Откровение. Однако после победы его судьба строится по тому же сюжету, что и в «прямом» варианте: он воплощается в культурных связях.

□ Третий вариант («Затянутый»).

Этот вариант – своего рода тупик, в который достаточно часто заходит процесс системного обновления. Он представляет собой ситуацию, когда битва между Героем и Основными силами, не может быть завершена. Либо действуют внешние по отношению к битве ограничения (например, временные), либо одна из сторон «дезертирует», покидая поле боя (например, из страха перед будущим напряжением или желанием сохранить status quo). В обоих случаях *незавершенность ситуации порождает тенденцию к последующему возобновлению битвы*. Также, ключевым моментом «затянутого» варианта является повреждение или *потеря* Свидетеля.

«Затянутый» вариант «завешивает» ситуацию, не давая новой формации состояться, а старой уйти, потому что конфликт, образующий новые системные связи, никак не может разрешиться (точнее, как следует состояться). Время работает здесь против системы. Неприятный момент заключается в том, что с каждым «отказом» от участия в битве полюс Основных сил, защищающих старую формацию, деградирует. Это означает, что он более не может оказать достойное сопротивление Герою^[10], следовательно, вращение системного «волчка» не будет равномерным и устойчивым и, перестав прецессировать, он упадет. Последнее подразумевает, что новая формация не состоялась, а ситуация вновь вернулась в рамки «затянутого» варианта. С каждым последующим возобновлением, битва приобретает все более хаотические, бредовые черты, а доля *сознательного* участия в ней практически стремится к нулю. Это, как мы увидим далее, признак потери Свидетеля.

«Затянутый» вариант явственно присутствует в психодинамике зависимостей и посттравматических расстройств. Его самопроизвольное разрешение невозможно. Необходимо присутствие не вовлеченного «третьего», чтобы как-то перевести ситуацию в «прямой» или «отложенный» вариант.

4. Свидетель: «триадная» и «диадная» мизансцены.

Ранее, описывая мизансцену исходной битвы, мы поместили Свидетеля на периферию относительно самой битвы. Как это происходит фактически?

Представьте, что ваш собеседник выражает мнение, с которым вы совершенно не согласны. Вас возмущает высказанная идея, и вы пытаетесь ее оспорить.

Если мнение собеседника вас задело, это означает, что граница той или иной системы ваших убеждений нарушена и ее Часовой кричит. То, что вы активно вступили в ожесточенный спор, указывает на присутствие Основных сил. И, наконец, то, что ваш собеседник *смог* гальванизировать все вышеперечисленное означает, что он – носитель проекции *вашего* системного Героя.

Здесь очень важна точка зрения, с которой воспринимается конфликт. То, что другой выполняет для вашей системы работу Героя, еще не означает, что его внутреннее осмысление происходящего совпадает с навязываемой ролью. Например, ваш антипод всего лишь отстаивает свои границы, находясь под контролем «собственных» Основных сил. Или, возможно, его ситуация аналогична вашей, и вы являетесь мишенью для проекции егосистемного Героя. Чтобы избавиться от путаницы в анализе этой динамики, прежде всего, следует определиться, с чьей позиции смотреть на происходящее, т.е. «выделить» субъект.

А где же Свидетель? Это очень интересный и непростой вопрос.

Если в момент системного конфликта (битвы), воплощенного в пространстве отношений, присутствуют трое, то с точки зрения какого-то одного участника (субъекта), «роли» Героя и Свидетеля распределяются между двумя оставшимися. От носителя проекции Свидетеля будет ожидать «объективный» взгляд на происходящее. От его мнения субъект будет отстраивать собственную идентичность и толкование события. Чем надежней (человеческая) связь между носителем Свидетеля и субъектом, тем устойчивей Эго последнего. Тем быстрее и легче, по окончании битвы, восстанавливается память субъекта об этом событии. Тем проще ему осознать новые связи и свое место в них. Этот процесс представляет собой интернализацию Свидетеля, т.е. его «возвращение» обратно, в распоряжение Эго.

Присутствие трех человек в момент системного конфликта является, на наш взгляд, своего рода гарантией успеха процесса системного обновления. «Триадность» облегчает реализацию как «прямого», так и «отложенного» вариантов. Но главное, исключает развитие событий по тупиковому «затянutoму» варианту. Все это благодаря тому, что Свидетелю есть, где «схоронится» во время аффективных бурь исходной битвы.

Если в момент конфликта присутствуют только двое участников, то ситуация несколько осложняется, поскольку Свидетелю не предоставляется отдельного носителя (третьего человека).

Субъект может попытаться «удержать» Свидетеля у себя. Речь идет об «удержании» способности создавать упорядоченные связи. Именно это позволяет пережившей обновлению системе определиться со своей новой идентичностью, целями и приоритетами. Начать воплощение новой идеи в связях реформированной формации. Это также позволяет переживать обновление, сохраняя сознание. Последнее возможно лишь теоретически, поскольку момент разрушения прежней формации совпадает со смертью наблюдающего «я», поскольку оно было основано на связях этой формации. Поэтому, на наш взгляд, проекция Свидетеля – дело неизбежное.

Конечно, отсутствие отдельного «вместилища» для Свидетеля порождает «двойную проекцию», когда второй участник конфликта «несет на себе» и Героя и Свидетеля. В этой ситуации связь со Свидетелем в опасности, поскольку между субъектом, захваченным Основными силами, и объектом (не только Свидетелем, но еще и Героем) существует непримиримый антагонизм. Однако на практике эта ситуация разрешается вполне конструктивно. В рамках «прямого» варианта, Герой победил и привел Свидетеля с собой (интернализация). В «отложенном» варианте ситуация похожая: Герой уничтожен, про битву забыли, – Свидетель может незаметно вернуться (т.е. тоже интернализация).

Все проблемы «диадной» мизансцены обнаруживаются в рамках «затянutoго» варианта. Противостояние Основных сил (субъект) – Герой и Свидетель (объект) никак не разрешается. Свидетель не может вернуться, – интернализации не происходит. Для субъекта потеря (невозвращение) Свидетеля означает целую «гроздь» проблем.

Во-первых, это приводит к забыванию или искажению фактического содержания события. Попытка как-то восстановить в памяти ситуацию приводит к тому, что вспоминается какая-то, возможно второстепенная деталь, степень значимости которой, под воздействием аффекта^[11], неоправданно преувеличена. С каждым возобновлением битвы эта ситуация все более усугубляется.

Во-вторых, потеря Свидетеля наносит ущерб способности Эго сознательно относиться к текущему событию, что означает неспособность критически оценивать происходящее и себя самое. Эта ситуация может быть описана как «понижение умственного уровня»^[12].

Без Свидетеля человек не может поддерживать связи последовательного типа. Речь идет о способе организации данных, которым пользуется сознание. Оно стремится выстроить данные «цепочкой», когда предыдущее звено логически предшествует следующему. Например, «причина – следствие», «начало – развитие – кульминация – развязка», «стимул – реакция», «подготовка к действию – действие – результат» и прочее. В последовательном типе связей следствие не может появиться раньше причины, а развязка не наступит без кульминации. Способность выстраивать данные «цепочкой» позволяет упорядочивать аффекты, например, структурируя их посредством схемы «причина – следствие». Кроме того, последовательные связи обеспечивают Эго доступ к идеалам^[13], опора на которые позволяет ему иметь некую «дистанцию» между собой и напирющим аффектом. Идеалы обеспечивают также разделение на «Я» и «Не-Я», частично разрешая проблему идентичности, а благодаря

поляризации восприятия, делают возможным наличие *сознания*^[14]. Забегая вперед, отметим, что Свидетель имеет непосредственное отношение к «сотворению» идеалов. В отсутствие Свидетеля, Эго располагает лишь односторонним или фрагментарным сознанием, которое становится все слабее, с каждым возобновлением битвы. В конце концов, из нее исчезнет вообще какой либо смысл.

В третьих, потеря Свидетеля практически всегда подразумевает «одержимость» Эго бессознательным комплексом, который является «рабочим телом» Основных сил.

Организованные Свидетелем, последовательные связи не только придают субъективной реальности свойства устойчивости и предсказуемости, но и обеспечивают Эго доступ к «инструментам», позволяющим волевым способом регулировать душевные процессы и отношения с объектами. Именно поэтому, потеря Свидетеля оставляет Эго в дезорганизованном состоянии, крайне уязвимом для «затопления» аффектами. Поэтому, в рамках «затянутого» варианта Эго поневоле вовлекается в процесс «фальсификации индивидуальных целей в интересах одерживающего психического фактора».^[15] Можно также сказать, что «демонизированное» Эго – способ существования Основных сил в мире объект-отношений. При этом наведенная Основными силами, фантазия становится «более сложной», чем «содержащееся» в ней Эго^[16].

В-четвертых, потерять Свидетеля, означает перестать быть полноценным субъектом текущего опыта. Сознательная личность (переживание «Я – есть») существует как система последовательных связей. Без контакта со Свидетелем, в ситуации одержимости, сознательная личность отчуждена от Эго и практически не имеет «выхода» в мир объект-отношений. Эго становится в значительной степени «Не-Я», получая взамен, дарованное Основными силами, ощущение собственной правильности и непогрешимости.

В конце концов, личностная организация субъекта, в рамках возобновляющейся битвы по схеме «затянутого» варианта, приобретет откровенно психотические черты.

Вернемся к нашим вариантам системного обновления в «диадной» мизансцене.

«Прямой» вариант, в рамках предложенного примера, выглядит следующим образом. По ходу спора, ваш собеседник предоставляет очень серьезные «аргументы», ведь за их «весомостью» стоит архетипическая мощь Героя. Они, как правило, имеют не только интеллектуальную, но, в значительной степени, и эмоциональную природу. Эти «аргументы» столь убедительны, что вы с ними соглашаетесь. Это значит, что ваш главный контраргумент – персонификатор Основных сил^[17] вашей системы установок – повержен, а система обновлена.

Этот вариант обновления встречается очень часто. Мы привыкли к нему и не уделяем его динамике особенного внимания. Например, родитель, заставляющий своего ребенка-первоклассника аккуратно выполнять домашнее задание. Жизнь первоклассника сопровождается серьезным изменением внешних условий: школьная ситуация требует освоения новых навыков, связанных, например, с развитием способности концентрироваться. Прежняя формация (эго-установки ребенка) не может поддерживать адаптацию к изменившимся условиям, поэтому появление Героя неизбежно. В реальности первоклассника он появляется как внешний объект (упомянутый родитель), действующий так, чтобы ребенок, в конце концов, обрел недостающие навыки. При этом Основные силы, захватившие Эго ребенка, превращают его, в глазах родителей, в «ленивого лоботряса, не желающего учиться». При этом сам родитель несет на себе проекции не только Героя, но и Свидетеля. Возможно, поэтому он кажется себе очень «сознательным» и «правильным». Исходная битва неким неискушенным наблюдателем может быть описана как столкновение родительского гнева с детской ленью. «Ты должен» против «я не хочу». Но то, что выглядит как простое подчинение ребенка авторитету родителя, на самом деле является сложным и многомерным психическим событием.

«Отложенный» вариант в чем-то противоположен «прямому» - Основные силы оказываются сильнее Героя. Это значит, что ваш собеседник не смог придать достаточно «веса» своему аргументу, и вы разбиваете его доводы в пух и прах. Проигравший спор собеседник, все равно, что убит вместе с вашим Героем, – межличностный контакт с ним временно прерывается. Это приводит к спонтанной интернализации уцелевшего Свидетеля. Для него это самый опасный момент, поскольку Основные силы хотели бы расправиться даже с упоминанием о состоявшемся конфликте, поскольку они то «знали» о том, насколько серьезной была угроза.

Продолжение последует спустя некоторое время, достаточное, чтобы Основные силы, вкуче с Часовым, утихомирились. Длительность паузы зависит от значимости темы спора. Чем она серьезней, тем дольше пауза. А вот затем, постепенно, «аккуратно», скандальный аргумент бывшего собеседника начинает всплывать в сознании, но уже *как ваша собственная идея!*

Это ведет свою подпольную работу спасшийся Свидетель, который начинает «проявляться», исподволь захватывая Эго. Интересно, что в этом случае Часовой остается в пассивном, спящем состоянии, ведь «всплывшая идея» уже не является чужаком!

Понимание динамики «отложенного» варианта позволяет аналитику эффективно работать с сопротивлением клиента. Вместо силового противостояния («прямой» вариант), навязывания интерпретации, аналитик создает провоцирующую ситуацию для Часового и Основных сил клиента. Аффективно отвергая болезненные для себя смыслы, клиент уничтожает Героя, проективно воплощенного в аналитике, точнее в его интерпретации. Только затем, чтобы позднее обнаружить представленные смыслы как свои собственные^[18].

«Затянутый» вариант.

Чем глубже ваше Эго погружено в аффект присутствия Основных сил, тем отчетливей динамика «двойной проекции». Вы, с одной стороны, ненавидите объект, потому что, как Герой, он угрожает вашему покою. С другой стороны, боитесь его, потому что, как Свидетель, он кажется вам хитрее, умнее, дальновиднее. Все это предпосылки для полноценной исходной битвы, «не на живот, а не смерть», но представьте, что, едва начавшись, битва была прервана. Контакт с внешним объектом разорван. Это подразумевает, что вся аффективно нагруженная внешняя ситуация подверглась интернализации, превратившись во внутренний конфликт. Поскольку Основные силы оставили за собой территорию Эго и Персон, то Герою со Свидетелем досталась участь вытесняемого психического содержания. Успешно вытесненный конфликт восстанавливает спокойствие в Эго, поэтому оно не протестует. Теперь вы можете вернуться к привычной деятельности в областях, не затронутых работой обновления. Какое-либо рефлексивное отношение к произошедшему практически исключено, поскольку Свидетель, обеспечивающий необходимую для этого психологическую дистанцию, отчужден от Эго. Именно так и складывается ситуация «потери Свидетеля», приводящая к известным нам последствиям^[19].

Успех в вытеснении конфликта не решает проблему раз и навсегда, поскольку системное обновление все равно должно быть завершено. Это подразумевает, что изгнанное содержание будет стремиться к возвращению. Возобновленная битва может развернуться как в межличностном пространстве, так и в вашем теле, образуя отчетливую психосоматическую симптоматику. В каком-то смысле, все телесные болезни с аномальным протеканием – это незавершенная исходная битва, - системное обновление, зашедшее в тупик. Последующий сознательный контакт с таким содержанием сопровождается острыми чувствами досады и отчаяния. Человек чувствует, что каким-то образом предал самого себя и не в силах исправить содеянное.

Каждое следующее возобновление битвы застает вас во все более бессознательном состоянии, поскольку в результате прерывания предыдущей попытки, Свидетель оказывается все «дальше» и «дальше» от Эго. Соответственно, вы не находите какого-либо смысла в происходящем. Все это кажется вам ненужным и непонятным издевательством. Поэтому довольно скоро вам захочется уклониться от контакта с напряжением, сопровождающим возобновление исходной битвы. Это, по сути, «дезертирство» может выражаться в самых разных маневрах. Если битва происходит в теле, то вы можете попробовать «заглушить» симптом^[20] таблетками или алкоголем. Если битва возобновляется в межличностном пространстве, то можете попробовать не встречаться с объектом, исключить его из числа своих коллег и знакомых^[21]. Вы не знаете, почему, но всякий раз, когда вы встречаете этого человека, вас начинает «трясти», напряжение становится почти невыносимым. Единственное, чего хочется, это поскорее покинуть зону контакта.

В ходу также попытки отвлечься, переключившись на другой вид деятельности. Действительно, если есть области жизни и соответствующие Персоны, которые не вовлечены в процесс обновления, то некоторое время их можно использовать как средство защиты. Однако этого не следует делать на регулярной основе, потому что ослабленное отсутствием Свидетеля Эго, склонно к «залипанию», идентификации с Персоной. Конечно, так вы

обретаете устойчивость^[22], но при этом сокращаете соответствующей Персоне время ее существования, потому что теперь ее энергия как системы направляется не на создание новых связей, а на поддержку вашего Эго. Перестав развиваться, Персона становится ригидной, теряя свои адаптационные возможности. Используя Персону «нецелевым» образом, вы как бы «подставляете» ее под компенсаторные атаки бессознательного, вызывая преждевременное реформирование. Другими словами, одна незавершенная исходная битва, с которой вы «дезертируете», может, с течением времени, «перемолоть» и остальные сферы вашей жизни.

Все перечисленные маневры только усугубляют ситуацию, поскольку лишь способствуют прогрессирующей утрате связи между Эго и Свидетелем. Все меньше осмысленного контакта, все больше тенденциозного аффекта, наведенного Основными силами. Единственный способ поправить эту психотическую картину – это повернуть ситуацию вспять, т.е. «вернуть» Свидетеля. Сделать это можно, только с помощью «третьего» (постороннего), чей Свидетель не потерян. Честная битва возможна только при свидетелях! «Должен появиться *третий*, перед лицом которого только и возможен диалог... Именно *третий* дает возможность получить статус субъектов двум другим – они становятся не зависящими друг от друга тотально»^[23]. Это ключевой момент – лишь наличие «третьего» позволяет перевести «затянутый» вариант в «прямой» или «отложенный».

В условиях аналитического кабинета «третий» – это Свидетель «рабочего альянса» («сумма» Свидетеля аналитика и клиента). Сам аналитик, несмотря на стремление сохранить «нейтральность», не способен сколь либо длительное время выполнять работу недостающего клиентского Свидетеля, поскольку реальность осложняется спонтанным повторением упомянутой незавершенной битвы, но уже в аналитическом пространстве, образуя архетипическую основу для трансфера и контртрансфера. Аналитик, при этом, теряет преимущества «не вовлеченного третьего». «Триадная мизансцена» заменяется «диадной». Проекция Героя, которая ложится на аналитика, не позволяет сохранить интеллектуальное отстранение от происходящего, поскольку бессознательное «согласие» с героической ролью наполняет контртрансферный отклик соответствующим аффектом. Аналитик начинает чувствовать, что «воюет за правое дело», ради которого следует еще чуть-чуть «дожать» «успешной интерпретацией» несознательного клиента^[24]. Опыт показывает, что это приводит к очередному прерыванию битвы и потере Свидетеля: на следующей встрече ни клиент, ни аналитик не в состоянии вспомнить содержание прошлой сессии.

Суммарный Свидетель или Свидетель рабочего альянса, несмотря на свою «виртуальность» (он ведь не присутствует как физический объект), тем не менее, способен при соответствующем обращении выполнить работу «третьего». Другими словами, вновь сделать из «диадной» мизансцены более предпочтительную «триадную», когда проекции Свидетеля и Героя не совмещены в одной фигуре (аналитика)^[25].

Чтобы Свидетель рабочего альянса стал полноценным «третьим», уже на ранних этапах анализа необходимо понемножку тренировать Эго клиента в способности удерживать у себя Свидетеля. Для этого нужно частично делегировать клиенту ответственность, как в управлении собственным эмоциональным опытом «здесь и сейчас», так и в осмыслении происходящего в рабочих отношениях. Следует также утвердить пафос «мы» в исследовании бессознательных содержаний клиента, чтобы не только аналитик, но и клиент нес ответственность за процесс и результат. Сотрудничество касается и совместного восстановления деталей прошедших встреч и вообще выстраивания причинно-следственных связей. Теперь, когда, битва, со всей своей аффектацией, воспроизведет себя в рабочих отношениях, она получает реальный шанс завершиться. Потому что на следующей встрече совместными усилиями аналитика и клиента сюжет и значения битвы могут быть восстановлены и подвергнуты обсуждению. Именно работа суммарного Свидетеля позволит уже сознательно возобновить и конструктивно завершить битву, поскольку по одиночке ни Свидетелю аналитика, ни, тем более, Свидетелю клиента это не под силу.

5. Свидетель и фактор угрозы

В каждом из трех вариантов системного обновления судьба Свидетеля различна. Однако лишь в первых двух – «прямом» и «отложенном» – опасность, угрожающая Свидетелю, превращает последнего в самостоятельно действующую фигуру^[26]. Это случается, когда Герой, так или иначе, сходит со сцены (в «прямом» варианте – «умирая от старости»; в

«отложенном» – погибая в битве с Основными силами). Именно фактор угрозы раскрывает специфический вклад Свидетеля в системную динамику. Активизация Свидетеля как самостоятельной фигуры знаменует важную веху в системном процессе.

В «прямом» варианте угроза объявляет о себе довольно поздно. Свидетель господствующей системы большую часть отпущенного срока находится в достаточной безопасности. Однако по мере стагнации господствующей части системы, написанные им «хроники», – культурные артефакты, воплощающие идеологию победившего когда-то Героя, – начинают подвергаться разрушительным атакам со стороны брутальных, хаотических сил. Например, сумасшедшие, разбивающие памятники, хулиганы, поджигающие библиотеки. Сюда же относятся несчастные случаи, «случайные» организационные «накладки», а также всевозможные оговорки, очитки, описки, возникающие как бы беспричинно. На самом деле, силы, стоящие за этими явлениями, – суть инструменты принципа компенсации^[27]. Удар приходится по Свидетелю и понятно, почему: ведь это основанная на его версии история битвы Героя с Основными силами легла в основу культурных рамок текущей формации. Для ригидной системы это означает, что все, что не «проходит» в эти рамки – отсекается. Таким образом, теряется сама возможность обновления и накапливается теневое напряжение.

К моменту упомянутых выше хаотических атак, Свидетель текущей формации уже полностью воплощен в порожденных им культурных артефактах. Теперь он – во всей культурной символике, ритуалах, этикете, книгах, фильмах, памятниках и прочее. Вся его исходная энергия вложена в структуру существующих связей. *Полностью воплотившийся Свидетель оказывается пленником этой структуры.* Это означает, что принципиально новых связей образоваться уже не может: у Свидетеля нет энергии для их организации. Вся она вложена в поддержку существующей структуры. Можно также сказать, что основной сакральный источник энергии системы – Исходное Откровение (битва Героя с прежними Основными силами) уже израсходовано на постройку и обслуживание текущей формации. Субъекту данной формации, при упоминании об Исходном Откровении, становится скучно: оно было слишком давно и более не вызывает в душе волнующего чувства сопричастности к мистическим истокам содержащей его общности. Соответственно профанируются и все ее опорные артефакты.

В конце концов, компенсаторные «хаотические» атаки, разрушая эти культурные артефакты *освобождают* Свидетеля из их плена. Каждый спрофанированный ритуал, сожженная книга или оскверненный памятник отпускают частичку Свидетеля на свободу. К моменту пришествия нового Героя большая часть Свидетеля окажется в необходимой для новой исходной битвы «свободной» форме. Однако перейти в «свободную» форму целиком и сразу Свидетель не может, поскольку это повлечет за собой полную деморализацию и дезориентацию Основных сил текущей формации. Без Свидетеля они утратят связь с ориентирами (идеалами), позволяющими управлять энергиями Откровения. Это, в свою очередь, означает, что Основные силы не смогут достойно противостоять Герою – «волчок» новой формации не раскрутится! Чтобы этого не произошло, незначительная часть Свидетеля сохраняет свое присутствие в обреченной формации. Благодаря этому Основные силы могут мобилизоваться для «последнего и решительного» боя с системным Героем. Эту часть можно назвать «резервной», однако, по большому счету она не заслуживает отдельного названия, поскольку, в отличие от освобожденного Свидетеля, не способна вести собственную игру. «Резервный» Свидетель пребывает в воплощенном состоянии, лишь поддерживая оставшиеся связи обреченной формации. Фактически он находится на службе Основных сил и не является самостоятельной сущностью.

«Резервная» часть, после поражения Основных сил в новой исходной битве, превращается в т.н. «остаточный артефакт». Это форма существования старой (проигравшей) формации в рамках новой. Этот интересный феномен рассматривается далее, в отдельном пункте («Свидетель и преемственность»).

«Хаотические атаки» пугают сознание. Поскольку его идентичность построена на текущих культурных связях, то их уничтожение грозит «я» страхом смерти. Именно это делит сообщество на два лагеря. Одни справляются с этим страхом путем «отречения» от ценностей текущей формации (пустьдохнет – не жалко!), другие, наоборот, проявляют «сверхпреданность» этим ценностям, цепляясь за них, как за спасательный круг. В грядущей битве первые встанут на сторону Героя, вторые – на сторону Основных сил. Такая

поляризация есть основное условие для «раскручивания волчка» следующей формации. Именно поэтому любой революции предшествует хаос и смута.

В «отложенном» варианте угроза объявляет о себе сразу. Это основной динамический фактор после «победы» Основных сил над Героем. Уничтожить Свидетеля как можно скорее – это вопрос устойчивости текущего гомеостаза. На наш взгляд у Свидетеля существует два способа уцелеть в этой непростой ситуации.

Первый способ заключается в следующем. Свидетель прячется, «зашифровавшись» в смутные образы бессознательного^[28]. Цепочки образов и ассоциаций, в виде которых «записалось» событие в памяти, лишается связности, превращаясь из «линейного», рационально понятного воспоминания в нечто подобное сновидению^[29]. «Теперь они не имеют смысла в терминах бодрствования, и поэтому мы склонны или не принимать их во внимание, или считать просто «баламутящими воду»^[30]. Эго способно понимать язык сновидений только с помощью определенных «инструментов» (систем толкования), находящихся в распоряжении определенной Персоны. В «режиме» одержимости эти «инструменты», как правило, недоступны для Эго. Недоступны они и для Основных сил, использующих Эго для «прицельной стрельбы» по Свидетелю^[31]. Это означает, что переведенный на язык сновидений, Свидетель становится невидимым для своего преследователя. Позднее, когда Основные силы угмонятся и освободят Эго от своего присутствия, Свидетель сможет спокойно вернуться в своем «закодированном» облики. При этом Свидетель не тревожит Часового, донося свое знание через интригующие образы сновидений и фантазий.

Конечно, возможны и осложнения. В своем стремлении расправиться с «зашифрованным» Свидетелем, Основные силы могут подвергать деструкции вообще всепсихические продукты, содержащие хотя бы намек на символическое и иррациональное. Такое положение вещей приводит к чрезмерной ригидности и суеверности сознания, провоцируя принцип компенсации и сокращая время господства текущей формации. Описанная ситуация возможна не только в рамках психики человека. Любая социальная системы имеет подобный опыт в своей истории: от охоты на ведьм до гонений на поэтов и мистиков.

Второй способ выглядит следующим образом. В «отложенном» варианте Свидетель может и не трансформироваться в сновидческую форму ради своего спасения. Рассмотрим эту ситуацию на примере социальной системы. Представьте, что человек-Свидетель, присутствующий при каком-то значимом социальном событии (например, расправа над активистом правозащитной организации), не бежит прятаться от преследования, а делает так, чтобы об этом событии узнало как можно больше других людей. Наилучшей ситуацией для нашего человека было бы лавинообразное распространение его информации. В результате функция Свидетеля оказывается перераспределенной по множеству носителей, делая все карательные мероприятия Основных сил бессмысленными. Своеобразная формула «всех не перевешаешь» отводит от первого человека-Свидетеля угрозу уничтожения.

Нам кажется, именно этот способ обращения с Откровением чаще всего используется в работе журналиста.

6. *Свидетель как паттерн.*

Как и любой другой архетип, Свидетель, воплощаясь в мире объект-отношений, действует как паттерн. Чтобы картина была как можно более полной, мы рассмотрим паттерн с двух точек зрения: динамической и структурной.

□ *Динамический аспект паттерна.*

Он представляет собой цепочку последовательно сменяющих друг друга фаз процесса «развертки» архетипа во времени (см. **Приложение.**). Поскольку Свидетель теснейшим образом связан с Героем, то нижеследующая схема содержит элементы синхронизации с героическим сюжетом. «Жирным» шрифтом выделены основные фазы «жизни» Свидетеля, которые будут рассмотрены ниже.

«Жизнь» Свидетеля, в контексте доступной наблюдению системной динамики, можно разделить на две основные части. «Первая половина жизни» начинается с момента высвобождения Свидетеля из старых культурных связей и заканчивается воплощением в новую формацию. С этого начинается «вторая половина жизни» Свидетеля. Она, как правило, более продолжительна, чем первая и длится до тех пор, пока вся энергия исходного события не будет вложена в системные связи, которые, в свою очередь, являются «телом»

воплощенного Свидетеля. Заканчивается «вторая половина жизни» тем же, чем начинается «первая» – высвобождением Свидетеля из системных связей. В «первой половине жизни» Свидетель действует заодно с Героем, во «второй» – с Основными силами.

Однако если сместить локус внимания от системных процессов к изменениям, происходящим именно со Свидетелем, то можно выделить не две, а четыре фазы его «жизни».

I. Фаза «идеализированного» Свидетеля.

Эта фаза может рассматриваться как часть «первой половины жизни», потому что длится она от момента освобождения Свидетеля из связей старой формации до того, как в битве он окажется на стороне Героя (см.: «двойная проекция»). Эта фаза интересна тем, что только здесь можно увидеть «чистое», без «примесей» Героя или Основных сил, обобщенное объект-отношение, порожденное развернутым архетипом Свидетеля. Другими словами, *структурный аспект паттерна*.

На полюсе субъекта паттерна находится «идеализированный» Свидетель, который пребывает в отстраненной, наблюдающей позиции. Себя он воспринимает рациональным, устойчивым, не вовлеченным, «периферическим».

На полюсе объекта паттерна происходит или вот-вот начнется *исходная битва* (имеет место нуменозно окрашенное *событие* или *Откровение*). Этот полюс воспринимается субъектом как эмоционально-аффективный, неустойчивый, вовлекающий, «центральный».

Здесь Свидетель в чем-то похож на театрального критика, который в отличие от предвкушающих представление зрителей, планирует сохранить беспристрастность и объективность.

Эта идеальная для «научного метода» ситуация, когда наблюдатель не подвержен влиянию объекта наблюдения, длится очень недолго, возможно до первого серьезного столкновения между Героем и Основными силами. После этого Свидетель переходит в следующую фазу^[32].

II. Фаза «вовлеченного» Свидетеля.

Здесь Свидетель превращается в спутника Героя и врага Основных сил. Он по-прежнему сохраняет отстранение от аффектов битвы, но при этом использует позицию Героя как точку отсчета для своего наблюдения. Другими словами, прежняя идеализированная объективная позиция утеряна, событие воспринимается тенденциозно. Это означает, что в написанной далее истории обновленной формации (мифе), идеи Героя будут представлены как «позитивные», «правильные», «перспективные». А позиция Основных сил, напротив, – как «негативная», «деструктивная» и «тупиковая».

Окончание фазы «вовлеченного» Свидетеля совпадает с завершением его «первой половины жизни».

III. Фаза «воплощенного» Свидетеля («Вторая половина жизни»).

В этой фазе Свидетель выступает как творец. Он занят строительством новых и модификацией уже существующих связей, так, чтобы энергия исходного события проникла в самую незначительную бытовую активность и соответствующим образом изменила ее. Свидетель проникает в настоящее, переделывая на свой лад коммуникативные модели (например, заменяя «господ» на «товарищей»). Свидетель проникает в прошлое формации, переписывая историю и давая историческим фактам трактовку, аутентичную новому Откровению^[33]. И, наконец, Свидетель проникает в будущее, создавая вероятностную, футуристическую «реальность», в которой замыслы Героя находят свое полное воплощение. Это «место», где любой член формации, причащенный к Откровению исходной битвы, найдет свое полное и окончательное счастье^[34]. Свидетель принимает самое непосредственное участие в «строительстве» идеалов, придавая, таким образом, аффективным порывам Героя форму способную без серьезного искажения выразить пафос исходной битвы в виде привлекательного образа – цели, достижение которой подразумевает для Эго благодать и окончательное счастье.

Каждая такая выстроенная или измененная Свидетелем связь является его своеобразной «материализацией» в Культуре. При этом его «свободной» формы становится меньше, т.е. с каждым, даже самым незначительным воплощением, способность Свидетеля организовывать новые связи слабеет. Этот фактор существенно влияет на продолжительность существования текущей формации.

В данной фазе интересы Свидетеля и Основных сил совпадают. Свидетель воплощается в текущей формации, а Основные силы контролируют ее равновесие и устойчивость.

Специально остановимся, чтобы дать пояснения относительно того, что считать *событием*.

В «первой половине «жизни» Свидетеля под событием понимается только одно – битва между Героем и Основными силами. Во «второй половине жизни» под событием могут пониматься все эпизоды нарушения новой системной границы (другими словами, «крики» Часового). Заметим, что на этом этапе нарушитель не может быть новым системным Героем^[35]. Все имеющие место нарушения не сопровождаются поддержкой скрытой инновационной части. И, как правило, сводятся либо к случайным, либо к «протестным» вариантам нарушения границ. Подобные эпизоды не несут сколь либо серьезной угрозы существующей формации и легко подавляются Основными силами. Эти незначительные пограничные стычки обязательно регистрируются Свидетелем, но толкуются, конечно, в пользу текущего порядка.

Также под событием понимаются все моменты воплощения Свидетеля – переход «свободной» формы в новые системные связи. Эти события могут не сопровождаться активностью Часового, поскольку происходят как бы «внутри» формации. Возникающие при этом новые смыслы не считаются нарушителями, потому что во «второй половине жизни» Свидетель действует заодно с Основными силами.

В человеческой психике «вторая половина» жизни Свидетеля (воплощение в Культуре), совпадает с интернализацией, т.е. Свидетель отныне существует не в виде архетипического паттерна (внешнее), а в виде комплекса (внутреннее). Это оказывается возможным, потому что большая часть нуменоза Откровения уже израсходована на создание (внешних) связей новой формации, а то, что осталось без особенного риска может быть интернализировано. Экстремальные переживания исходного события постепенно забываются. В человеческом сознании их подменяют повседневные житейские хлопоты – нуменоз «рассеивается на деталях». Исчезая во внешнем мире, момент Откровения возникает в мире внутреннем, как аффективно насыщенное ядро соответствующего комплекса. Обусловленной нуменозом дезинтеграционной угрозы для Эго больше нет, зато есть упомянутый выше соблазн бессознательной идентификации с комплексом Свидетеля. Последствия этой идентификации мы рассмотрим далее.

Все существующие в Культуре связи составляют «тело» Свидетеля. Чем старше Культура, тем развитее «тело» Свидетеля и тем меньше остается его в «свободном» состоянии^[36]. Когда весь Свидетель воплотится в связи, текущая формация потеряет возможность развиваться и адаптироваться к изменяющимся условиям. Далее последуют уже известные нам компенсаторные («хаотические») процессы, которые, в конце концов, приведут к переходу Свидетеля в следующую фазу^[37]. Это означает, что большая часть Свидетеля отправится на новый круг, в фазу «идеализированного» Свидетеля. А оставшаяся («резервная») часть сначала обеспечит необходимую для битвы «связность» Основным силам, а затем (после завершения битвы по любому из двух конструктивных вариантов) воплотится в «остаточный артефакт»^[38].

IV. Фаза «остаточного артефакта»

Происходящие здесь процессы настолько любопытны, что мы решили выделить их описание в отдельный пункт.

7. Свидетель и преемственность.

Однажды один человек открыл старую пыльную книгу. Она много лет простояла на книжной полке, и он ни разу не брал ее в руки. Между пожелтевших страниц человек обнаружил засушенный цветок и мгновенно узнал его. Давным-давно, когда он был еще совсем юн, этот цветок был в его руках в момент встречи с любимой девушкой. Человек не помнил, как цветок попал в эту книгу, да и те отношения давно закончились, но сейчас, внезапно обнаружив его, он как будто заново пережил ту часть своей жизни. Все вехи, все радости и печали. словно никаких прожитых лет и не было.

Засохший цветок из этой истории и есть остаточный артефакт. Обладая природой воплощенного Свидетеля, он подобен спусковому крючку или кнопке запускающей некий процесс разархивирования. Когда остаточный артефакт попадает в поле сознания, Эго устанавливает спонтанный контакт с Откровением давно ушедшей формации. Это означает,

что заново переживаются психические состояния от момента битвы Героя с Основными силами до распада формации. При этом главное значение имеет не столько эта последующая история, сколько сам момент битвы, поскольку именно он является источником уникальной энергии и смыслов той формации. Отметим одну интересную вещь: обладание остаточным артефактом позволяет сохранять контакт с источником, без глобального «затопления» Эго содержаниями формации. Другими словами, при сохранении контакта с текущим миропорядком мы имеем и доступ к уникальной энергии прежней формации и защиту от «психотизации». В этом смысле, остаточный артефакт обладает всеми свойствами *символа*. Активированные с его помощью переживания позволяют человеку перенести «центр тяжести» из внешнего объекта в самое себя, что делает Эго более устойчивым к внешним раздражителям. Для такой поддержки «чувства я» «знак» переживаний имеет второстепенное значение. Другими словами, печаль или гнев выполняют эту работу ничуть не хуже, чем радость или благодарность. В силу этого, контакт с остаточным артефактом какой-либо прежней формации существенно облегчает долю Свидетеля текущей формации. Например, сокращается время нахождения системы в рамках «затянутого» варианта.

Как явствует из динамической схемы паттерна Свидетеля, остаточный артефакт появляется только в самом конце истории текущей формации. Если не вся энергия формации исчерпана (волчок пока вращается), то и ее история еще не «свернулась» в остаточный артефакт. В этом смысле его наличие может служить признаком, что некая история действительно завершилась. Судьба творений непризнанных гениев (художников, мыслителей, мистиков и проч.) в этом отношении очень показательна. Творчество талантливого или тем более гениального человека всегда имеет коллективное значение. Именно поэтому его творения (картины, черновые наброски, дневники) оказываются лучшими кандидатами на роль остаточного артефакта. Мы привыкли думать, что для обретения признания со стороны современников, художник должен умереть. Но дело совсем не в его смерти, а в некоем (иногда весьма продолжительном) временном промежутке, в рамках которого та или иная культурная формация, чьи ценности воплощал в своем творчестве художник, успевает завершиться. Как правило, за это время художник действительно может умереть, зато его картины приобретают для находящегося уже в новой формации человечества свойства остаточного артефакта.

Человек в своей жизни успевает пожить в нескольких формациях, каждая из которых имеет свое Откровение, свою «атмосферу» и наполнена «своими» отношениями. С другой стороны, каждая из этих «жизней» – фрагмент Самости, более или менее успешно воплощенный во внешнем мире. «Сталкивая» Эго с остаточным артефактом, Самость может «переживать» свою связность в истории и протяженность во времени.

Практически все *автобиографии* обладают природой остаточного артефакта, поскольку содержат в себе ключи доступа к разным формациям жизни автора. Очень важно, чтобы автобиография была *субъективной*, т.е. написана живым человеком не стремящимся «приукрасить» свой опыт^[39]. Как раз это придает ей коллективную ценность, поскольку именно через «человечность» автора, читатель проникает к его Откровениям, живейшим образом передающим дух минувших эпох.

В этом отношении любой тотемический объект – это остаточный артефакт – связующее звено между предками и современниками.

Остаточный артефакт может иметь и совсем непрезентабельный вид. Чердаки и квартиры, переполненные пыльным хламом, которому место только на помойке. Такими они воспринимаются посторонними, но для владельца (как правило, человека преклонного возраста) практически каждый предмет из «пыльной коллекции» нагружен харизмой остаточного артефакта.

Даже, если не использовать свойства остаточного артефакта осознанно и целенаправленно^[40], он, благодаря Самости, способен к самостоятельной презентации. В этом случае его как бы внезапное появление в поле сознания служит целям *компенсации*, оберегая сознание от чрезмерной преданности текущим идеалам (воплощенному Свидетелю). Ожившее в результате воспоминание оказывает отчетливое корректирующее влияние на текущие эго-установки, не позволяя развиться диссоциации. Яркое и живое переживание, да еще возникшее «спонтанно», – лучшее средство от статусной инфляции, находясь в которой, Эго склонно к опасному обособлению от бессознательного.

8. *Виды остаточного артефакта.*

Остаточный артефакт может представлять собой гораздо более сложное явление, чем упомянутый выше цветок, записи в личном дневнике или мимолетный запах. Однако в любом виде он способен выполнить для Эго всю описанную выше работу.

Например, остаточный артефакт может представлять собой предмет, который действительно «присутствовал» в момент битвы Героя с Основными силами. Такой артефакт называется *реликвией*. Для христианского сообщества эту роль выполняют т.н. «святые мощи», обладающие для верующего человека чудодейственной силой.

На наш взгляд, редкие произведения искусства или археологические находки выполняют для коллекционирующих их людей аналогичную функцию, открывая доступ к энергетике какого-либо далекого от современности Откровения. Чем ценнее и неповторимей раритет, тем отчетливее проявлена метафора «центра тяжести», тем уверенней и спокойней чувствует себя человек перед лицом повседневных трудностей.

Остаточный артефакт может существовать как ритуал. При этом важно, чтобы он имел четкую структуру, постоянные (материальные) атрибуты и символику, «материализующие» сюжет первичного события. Еще лучше, если этот ритуал является частью некоей традиции, передаваемой из поколения в поколение. Любое т.н. «тайное общество» построено вокруг остаточного артефакта^[41].

Наконец остаточным артефактом может быть вполне рядовой предмет, трансформированный человеческим воображением в реликвию. Так, например, ребенок, сжимая в руках пластмассовый меч-игрушку, сначала с помощью воображения превращает его в легендарный Эскалибур. Затем, ритуально взаимодействуя с уже «готовым» артефактом, переживает субъективно значимое посвящение в рыцари Круглого стола^[42].

Таким образом, подлинный остаточный артефакт состоит из двух основных частей – некоего физического предмета (аутентичного семантике прошлой формации) и ритуала (последовательности действий с упомянутым предметом, приводящим сознание в состояние, когда символы прошлой формации вновь обретают реализационную силу^[43]). Активность в рамках ритуала может организовываться самопроизвольно и бессознательно. Порой такая спонтанно организованная связь между текущей и прошлой формациями способна вызвать чувство потрясения. Приведем небольшую выдержку из книги А. Шутценбергера «Синдром предков»: «Некий господин был геологом-любителем. Каждое воскресенье он отправлялся искать камни, собирал их, раскалывал. Кроме того, он охотился за бабочками, ловил их и умерщвлял их в банке с цианидом. [Деятельность эта была навязчивой] и этот человек чувствовал себя очень некомфортно. Тогда он обратился к Николя Абрахаму, которому пришлось в голову провести исследование его семьи, поднявшись на несколько поколений выше. И тут он узнает, что у пациента был дед (отец матери), о котором никто не рассказывал! Выяснилось, что за преступление его отправили в африканский батальон, в каменоломни, а затем казнили в газовой камере. А чем занимался в выходные наш пациент? Он...отбивал камни и, охотясь на крупных бабочек, умерщвлял их в банке с цианидом!»^[44] В данном примере ритуальной составляющей остаточного артефакта является навязчивая воскресная деятельность нашего геолога-любителя, а предметной или материальной – камни и банка с цианидом.

Остаточный артефакт выступает как связующее звено между прошлым и настоящим. В этом смысле он наследует свойства «полноценного» Свидетеля в обращении с содержанием памяти. В следующем пункте мы рассмотрим его участие в процессах «записи» и «воспроизведения» информации.

9. *Свидетель: место в психике.*

Учитывая высокую степень влияния на функционирование Эго, Свидетеля следует искать где-то в непосредственной близости к эго-комплексу. Подобно тому, как в начале своей «судьбы» Свидетель был соратником Героя, так и в психике он остается на службе у Эго^[45]. Именно благодаря Свидетелю, Эго способно не только жить в последовательно упорядоченных историях, но и создавать их. Другими словами, речь идет о способности Эго организовывать аффективный опыт в причинно-следственную цепочку. Что, помимо возможности осмыслить аффект, позволяет канализировать его энергию в деятельность мира

объект-отношений. Работа Свидетеля на эго-комплекс позволяет последнему выделиться из ряда всех остальных комплексов. Его последовательное структурирование информации, с точки зрения адаптации к внешнему миру, имеет преимущество над «ядерно-аффективным», каким обладает любой комплекс^[46].

Свидетель также переводит информацию из одного вида (кода) в другой, т.е., практически управляет процессом «вспоминания». Весь наш опыт, от эмоционального «импринтинга» до инструментальных навыков, существует во внутреннем мире как система ассоциативных связей, упорядоченных комплексами. Однако в нашем сознании он востребован уже как система логических (последовательных) связей. Для того чтобы хирург смог успешно провести операцию, его Свидетель сначала должен «опросить» комплексы, чьи ассоциативные цепочки содержат необходимую информацию: от знаний анатомии оперируемого органа, до «низших» моторных ассоциаций, управляющих движением руки со скальпелем. Затем эта информация должна быть представлена сознанию как стройная и последовательная система знаний, умений и навыков, позволяющих успешно оперировать. При этом Свидетель должен быть очень аккуратен, поскольку фрагменты данной системы должны сохранить связь с исходными комплексами, потому что без энергии комплексов они не смогут удержаться в сознании, а только энергии Эго недостаточно для их поддержания.

Помимо участия в процессе извлечения информации из памяти, Свидетель участвует в ее запечатлении.

Конечно, не вся информация, которая наличествует в нашей памяти, получена при помощи Свидетеля. Например, если кто-нибудь «зубрит» английский или алгебру, он просто вкладывает энергию Эго в соответствующие слова или формулы. Соответственно, они доступны сознанию, пока не исчерпана вложенная в них энергия. А это происходит очень быстро, поскольку нахождение в поле сознания связано с большими энергетическими затратами^[47]. Потеряв энергию, заучиваемые слова или формулы переходят в подпороговое состояние, становясь недоступными для Эго, т.е. забываются.

Для того чтобы информация сохранилась на долгий срок, необходимо вложить в нее не только энергию сознания, но и энергию комплекса. Если это удастся, то слова или формулы как бы обретают свойство «самоподдержки» – Эго больше не придется в них вкладываться. Подпитываемые энергией комплекса, они не боятся истощения и устойчиво удерживаются в поле сознания, поскольку, как источник энергии, комплекс практически неисчерпаем. Чтобы как-то «подвести» энергию от комплекса к конкретному слову или формуле, как раз и необходима помощь Свидетеля. Ведь, с одной стороны, у него есть связь с исходными энергиями Откровения текущей формации^[48], с другой – структурно обусловленный контакт с Эго. Как это организовать на практике? Как «вызвать» Свидетеля во всей его красе по такому «мелкому» поводу, как запоминание английских слов или алгебраических формул?

Самое простое решение заключается в «наложении» запоминаемой информации на ситуацию, содержащую конфликт^[49]. Другими словами, упомянутые выше слова и формулы нужно представить себе или другому человеку в качестве *повода* для битвы между Основными силами и Героем. Это совершенно точно активизирует Свидетеля, и переведет запоминаемую информацию в ранг деталей, сопровождающих исходную битву. Соответственно, слова и формулы отныне будут «подпитываться» от комплекса, и смогут сравнительно легко присутствовать в поле сознания. Другими словами, проблема с их запоминанием будет решена. Заметим, что суть привлеченного конфликта может не иметь никакого отношения к запоминаемой информации. Упоминание о конфликте – только способ «выманить» Свидетеля.

К аналогичному результату приведет т.н. «проблематизация»^[50] информации, которую необходимо запомнить. В этом случае информация не воспринимается как нечто застывшее и «каноническое», но скорее, как содержание некой дискуссии, в которой субъект может принять полноценное участие. Эта дискуссия несет в себе скрытое присутствие и Героя и Основных сил, неосознаваемая идентификация с которыми, заставляет субъекта вырабатывать собственное мнение по поводу запоминаемой информации. Впоследствии, обращение к этой информации, т.е. попытка вспомнить ее, не вызовет серьезных затруднений, поскольку обязательно активизирует Свидетеля, который не может не присутствовать при любом (даже косвенном) упоминании об исходной битве. А это все ситуации, содержащие конфликт, проблему, препятствие. Последний аспект даже подтвержден экспериментально: «...лучше

всего запоминалось то, что возникало как препятствие, затруднение в исполнении деятельности»^[51].

Близость Свидетеля к процессам Эго еще не означает, что он находится в полном распоряжении последнего. Учитывая способность Свидетеля к самостоятельным действиям (см. пункт 5), можно предположить, что он также обладает природой комплекса. Между ним и эго-комплексом, очевидно, существуют самые тесные связи. Возможно, что значительная часть ассоциативной сети у них общая. Соответственно, энергия может перетекать по ассоциативным связям из эго-комплекса в комплекс Свидетеля и наоборот. Это, в свою очередь, акцентирует тот или иной комплекс. Если «перевес» в эго-комплексе, то человек оказывается *погруженным* в текущий опыт, *взаимодействуя* с внешними или внутренними фигурами. Если же акцентирован комплекс Свидетеля, то картина, в каком-то смысле, получается обратная: человек оказывается *отстраненным* от текущего опыта, *он не взаимодействует, а наблюдает*. В первом случае, субъект лишен мета-позиции, но зато пребывает в контакте с чувствами, ощущая себя полноценно живущим. Во втором, он лишен доступа к чувствам и не может похвастаться полнотой переживаний, зато в его распоряжении возможность наблюдать скрытые связи и анализировать происходящее «незамутненным» аффектами взором. Также ему доступны абстрактные построения и философские конструкции, позволяющие понять целостную картину мира.

Обе позиции представляют большую ценность, но только в том случае, когда используются по назначению. Особенно это касается Свидетеля.

10. Свидетель: варианты психопатологии.

Перетекание энергии в комплекс Свидетеля можно также рассматривать через метафору *идентификации* Эго с образом Свидетеля. Это позволяет рассматривать интересующие нас процессы с помощью привычного ракурса, также как мы это делали, рассматривая варианты психопатологии Часового^[52].

В идентификации со Свидетелем есть определенная привлекательность. Прежде всего, речь идет о защите от аффекта. Находясь в этой идентификации, человек некоторое время может избегать неприятных переживаний, чувствуя себя недостижимым для них. Благодаря тому, что инфантильные аффекты как бы не имеют к нему никакого отношения, он чувствует себя взрослым, спокойным и невозмутимым.

Во второй «половине жизни» Свидетеля, т.е. на этапе воплощения в культуре, идентификация с ним дает ощущение причастности к власти. Что, в свою очередь, означает долговременное решение проблемы смысла жизни. «Полностью разделяя линию партии», человек может не тратить время на кропотливое создание своей системы ценностей. Он также свободен от амбивалентности этического конфликта, заранее присоединяясь к «правильному» полюсу. Вспомним бакалейщика Бонасье с его бессмертной сентенцией о совместном с кардиналом спасении Франции. Тем самым, однако, этот человек избавлял себя от неприятной необходимости прояснять отношения с неверной женой, и получал серьезную прибавку к собственной самооценке.

Культ доносительства, который расцвел пышным цветом в стране победившего социализма, также обязан своей привлекательностью системному Свидетелю, который как раз входил в силу, воплощаясь в жуткой культуре общественных связей сталинского режима.

«Дарованные» Свидетелем независимость от аффекта и чувство принадлежности к чему-то значительному, позволяют человеку избавляться от мучительных переживаний собственной неполноценности и несостоятельности, порождая вполне отчетливую эго-установку^[53].

Субъект этой эго-установки видит себя как спокойного, рассудительного человека, чье жизненное кредо продумано до мельчайших подробностей. Ему кажется, что его суждения основаны на фактах и точном знании теорий. И часто так оно и есть. В спорных ситуациях субъект пассивно «прячется» за авторитет общности, к которой себя причисляет, полагая, что «веса» этого авторитета вполне достаточно для подтверждения его правоты.

Собственное развитие он, как правило, видит в «стремлении к совершенству» (эффективности, безупречности и прочее). Отвергая всякие «слабости», связанные, как правило, с наличием эмоций.

Объект эго-установки воспринимается субъектом как мятущееся, дезориентированное, запутавшееся существо, погрязшее в инфантильных страданиях и ждущее, чтобы его

направили на «путь истинный». Однако сам субъект вмешиваться в это не будет, ограничиваясь каким-нибудь «мудрым» советом, подразумевая, что уж этих-то проблем у него нет! Практически всем окружающим, за исключением самого субъекта, заметно его высокомерие и снисходительный тон. Закономерность: чем в большей степени объект потерял контроль над своими эмоциями, тем уверенней и спокойней чувствует себя субъект.

Легко заметить, что свойства, которыми наделен объект, являются *теневыми* по отношению к эго-установке, основанной на Свидетеле. Это подразумевает три вещи. Первое: компенсаторная работа психики будет постоянно продуцировать аффективно насыщенные содержания, сталкивая с ними Эго. Второе: поскольку субъект Свидетеля никоим образом не относит их к себе, то их судьба – быть спроецированными на тот или иной объект. И, наконец, третье, результирующее: по жизни субъект будет обречен на контакты с декомпенсированными личностями, которые со всей силой своего аффекта будут нападать на его холодную, отстраненную и высокомерную позицию.

Отказаться от идентификации со Свидетелем очень трудно, даже, когда вполне понимаешь ее последствия. Слишком уж это удобно, поэтому часто аффективные атаки только укрепляют решимость субъекта в собственной позиции, образуя неконструктивный, но весьма распространенный паттерн «авторитет – ничтожество». Субъект которого стремится повысить свою самооценку путем обесценивания, принижения личностных качеств и достижений объекта, провоцируя последнего на беспомощные аффективные выходы.

Идентификация со Свидетелем может служить основной для долговременной статусной инфляции, со всеми вытекающими последствиями, в том числе и психосоматическими^[54].

11. Свидетель и работа травмы.

Вышеописанные процессы легко накладываются на психодинамику травмы, усиливая все ее неконструктивные аспекты. В этом случае, травматический Защитник^[55] незаметно подчиняет себе Свидетеля, используя его наблюдательность, холодный, цепкий и критичный ум для разрушений эмоциональных связей между значимым внешним объектом и «раненым ребенком», который, кстати, занимает уже прежде отчужденный от текущего опыта эго-комплекс. Такой клиент представляет для психотерапевта серьезную проблему. С ним очень трудно построить конструктивные рабочие отношения, поскольку они основаны на эмоционально емких связях, а это главная мишень травматического Защитника. Вооруженный инструментарием Свидетеля, он с иезуитской жестокостью и дьявольской точностью находит основания для недоверия к фигуре аналитика, повергая последнего в беспомощность и почти суеверный ужас. В силу своей узкой «специализации» такой клиент интеллектуально превосходит аналитика, ловко профанируя его интерпретации и находя «зияющие дыры» в его объяснениях^[56]. Это превосходство основано на том, что аналитик имеет дело не только с интеллектуальными конструкциями, но и с проективными «помещенными» в него аффективными содержаниями клиентского «раненого ребенка»^[57]. Часть энергии комплекса Свидетеля аналитика утекает в его эго-комплекс, который пытается как-то сдержать аффективный напор «раненого ребенка». Тем самым, ослабленный Свидетель аналитика не позволяет последнему организовывать четкие последовательные связи. Его умозаключения действительно становятся «дырявыми», а интерпретации - беспорядочными^[58]. Также начинает страдать и память, вплоть до полного забывания того, что было на прошлых сессиях. Напротив, клиентский Свидетель, инспирируемый Защитником, находится в отличном состоянии! Он помнит на порядок больше аналитика, вот только его воспоминания очень тенденциозны: факты аккуратно подделаны в пользу травматического Защитника. Аналитика, с его слабым Свидетелем, скрипя сердцем, приходится соглашаться с версией клиента, поскольку он практически ничего не помнит сам. Происходит своего рода делегирование функции Свидетеля. А вот этого как раз делать не нужно, потому что с каждым таким «согласием» собственный Свидетель аналитика все больше слабеет. Описываемая динамика полностью подпадает под «затянутый» вариант системного обновления. Это подразумевает тупик, остановку в развитии.

Поэтому, первое, что нужно сделать, это вернуть себе Свидетеля.

Если аналитик сумеет осознать факт и природу аффективного влияния «раненого ребенка» на свое Эго, он сможет более технично и целенаправленно распорядиться энергией эго-комплекса, организовав проявлениям «раненого ребенка» удобоваримые «рамки». Теперь для

его сдерживания не нужно будет отбирать энергию у комплекса Свидетеля. Но дело в том, что для выполнения описанной работы Свидетель аналитика не должен находиться в угнетенном состоянии. А «затянутый» вариант это как раз и предполагает. Конструктивное разрешение этой ситуации достигается через временное «заимствование» аналитиком Свидетеля у кого-то «третьего» (супервизора или супервизорской группы), не вовлеченного в динамику анализа. Затем супервизорская работа помогает восстановиться и Свидетелю аналитика, вынуждая последнего рассказывать свою историю происходящего на сессиях. Ведь, если активен только Свидетель клиента (как в нашем случае), то получается, что аналитик целиком «содержится» в его истории, созданной под непосредственным влиянием травматического Защитника. В этой тесной «реальности» аналитик практически не может распоряжаться своей волей. Любое его несогласие с позицией клиента подвергается враждебному и очень убедительному толкованию со стороны последнего. Быть «содержимым» чьей-либо истории, означает не иметь собственного взгляда на происходящее^[59]. Последнее, в свою очередь, подразумевает, слабость или даже отсутствие своего Свидетеля.

Каждая деталь, каждый фрагмент рабочих отношений, который аналитику удастся вспомнить и рассказать «третьему» *от своего лица*, это вклад в возвращение Свидетеля. По мере воссоздания собственной истории Эго аналитика обретает потерянную когнитивную связность. Субъективными признаками восстановления Свидетеля являются отчетливое переживание инсайта (не важно, насколько он глубок и к чему относится), а также возвращение способности чувствовать гнев (переживание человеком факта, что его долго обманывали). После этого момента супервизируемый снова становится полноценным субъектом опыта в аналитических отношениях и способен воссоздать собственную картину (историю) происходящего в этих отношениях. Эта ситуация также сопровождается повышением уровня сознания.

Помимо обращения к супервизорской поддержке, в описанной выше тяжелой ситуации, позиции собственного Свидетеля можно усилить следующим образом. Структурирование сессионного материала на основе заметок по ходу работы (мысленных, письменных, диктофонных). «Конспектирование» метафор, используемых клиентом. Детальное протоколирование конфликтных эпизодов. И, наконец, регулярное обращение к четко изложенным в контракте целям и взаимным обязательствам.

Когда Свидетель восстановлен, аналитик может решить и аффективную проблему «раненого ребенка». Прежде аналитик старался либо подавить (вытеснить) его страдания, вообще не относя их к себе, либо без раздумий воспринимать их, только как свою, внутреннюю проблему. Теперь аналитик приобрел мета-позицию по отношению к «раненому ребенку» и может отнести к его «воплям» как субъект опыта, *сознательно*, не теряя своей идентичности, и не позволяя соответствующим аффектам «затапливать» свое Эго. Таким образом, аналитик может «вернуть» переживания «раненого ребенка» в рабочие отношения с клиентом, описав их «от своего лица», и сопроводив это описание своим сознательным отношением к этим переживаниям. Это, с одной стороны, создает для клиента ситуацию принятия его «раненой части», а с другой – дает ему возможность установить эмоциональную связь с внешним объектом. Конечно, травматический Защитник будет атаковать ее, но возвращение Свидетеля аналитика отчасти меняет и эту ситуацию.

Во-первых, «монополия» клиентского Свидетеля на фактическую информацию закончилась. Травматический Защитник более не может ее подтасовывать, обесценивая усилия аналитика в глазах клиента. Особенно после обнаружения и принятия аналитиком его «раненого ребенка».

Во-вторых, с восстановленным Свидетелем, аналитик может сознательно относиться и к самому травматическому Защитнику, маркируя его присутствие клиенту. Прежде, аналитик мог либо беспомощно терпеть атаки Защитника (любая попытка критического отношения к этим атакам разбивалась о неприступную интеллектуальную стену), либо уходить в защитный процесс, который все больше и больше превращал аналитика в его собственных глазах в бестолкового и неблагодарного ребенка. Так или иначе, эмоциональная связь между аналитиком и клиентом была повреждена. Помогая клиенту увидеть и осознать работу Защитника, аналитик существенно ограничивает демоническую власть последнего, с каждым разом увеличивая длительность существования эмоциональной связи между собой и клиентом.

В-третьих, установление баланса между Свидетелем и Эго аналитика, способствует ослаблению бессознательной идентификации Эго клиента со своим Свидетелем, потому что контроль над аналитиком с этой позиции оказался не таким эффективным, а страх перед собственной раненой частью уменьшился, благодаря конструктивному взаимодействию аналитика с ее аффектами. Деидентификация со Свидетелем смещает «центр тяжести» в эго-комплекс, позволяя клиенту ощущать себя субъектом опыта – контактировать со своими чувствами «здесь и сейчас». Этот процесс может быть описан, как смена интеллектуализирующей установки на чувственную.

Возвращение «центра тяжести» в эго-комплекс постепенно восстанавливает и естественные отношения Эго клиента со Свидетелем: интеллектуализирующее наблюдение больше не заменяет участия в эмоционально емком опыте. Эго как бы отбирает Свидетеля у Защитника. Процесс этот долгий и протекает с переменным успехом. Когда временами Защитник снова захватывает Свидетеля, человек начинает серьезно сомневаться в реальности своих чувств и чувств аналитика, находя «фактические» основания для этого. Они же служат поводом для разрушительного нападения на отношения и себя самое. И только осмысленное обращение к контакту «здесь и сейчас» позволяет отбить плацдарм обратно. Освобождение Свидетеля от присутствия Защитника не решает полностью проблему последнего, но позволяет Эго относиться к его выходкам не как к неоспоримой действительности, а как к фантазии, которую можно «протестировать на реальность».

На этом этапе для аналитика важен баланс между его Свидетелем и Эго. Другими словами, способность своевременно перемещаться между наблюдением за контактом и участием в этом контакте. Для продуктивной работы аналитик должен четко знать, что с ним происходит, когда он находится и в том, и другом состоянии, и осознавать момент перехода между ними. В свою очередь, осознание клиентом собственной позиции в рамках континуума «наблюдение – участие» ведет к конструктивному разрешению большинства коммуникативных «тупиков»^[60].

На наш взгляд, именно понимание природы Свидетеля позволяет облегчить аналитику работу с клиентами, обладающими скрытым опытом ранней травмы.

12. Свидетель в группе.

Группа, как система, тоже имеет в своем распоряжении функцию Свидетеля. Однако в группе носителем той или иной системной функции оказывается один или несколько ее членов. Поэтому, в силу наглядности, отследить работу соответствующей функции сравнительно несложно.

На этапе исходного события (Откровения), которое в групповом процессе принимает вид аффективного конфликта, носителя функции Свидетеля можно легко «вычислить» по его поведению. С одной стороны, он не вступает в конфликт, стремясь удержать некую пространственную или психологическую дистанцию от персонификаторов Героя и Основных сил. С другой, он удерживает свой интерес на происходящем, не производя впечатления отключенного от реальности человека. По ходу разрастания конфликта все члены группы аффективно включаются в него, и только Свидетель так и остается несколько в стороне.

В рамках «прямого» варианта все достаточно просто: Свидетель открыто действует заодно с Героем, поддерживая последнего четкими аргументами, выработанными на основе его наблюдений. К словам Свидетеля остальные члены группы относятся с уважением, даже те, кто выступал на стороне Основных сил. Иногда функция Свидетеля совмещена с персонификатором Героя, но это бывает только после разрешения группового конфликта.

В случае «отложенного» варианта, Свидетель вынужден спасаться от Основных сил известными нам способами. Особенно любопытным выглядит маневр «шифрование»: в ответ на аффектированные упреки персонификатора Основных сил, носитель Свидетеля косит «под дурака». В его речи, абсолютно не к чему прицепиться, она больше похожа на бессвязный бред, где термины, метафоры, даты, имена, и прочее «свалены в одну беспорядочную кучу». В конце концов, дезориентированный носитель функции Основных сил оставляет «сумасшедшего» в покое.

«Лавинообразная трансляция» выглядит следующим образом. Функция Свидетеля больше не сосредоточена на одном человеке, вместо этого, она как бы «распределена» по большинству членов группы. Носитель Основных сил не может «подавить» их всех сразу,

поэтому оказывается бессильным репрессивно повлиять на ситуацию, когда идея системного Героя начинает «по кусочкам» проникать в групповое пространство.

«Затянутый» вариант в групповом процессе дает потерю цели и смысла существования группы. Внутригрупповые взаимодействия носят «очаговый» характер – не появляется общей темы для обсуждения. Общий уровень групповой тревоги очень высокий – атмосфера нервная, но ни один из агрессивных моментов в коммуникации не приводит к разрешению. При этом, несмотря на некоторую «текучку кадров», группа все-таки не распадается. Как мы уже знаем, разрешение «затянутого» варианта невозможно без привлечения «третьего». Если ведущий группы своевременно не обратится к супервизии (единственный здесь продуктивный выход), то групповая система сама начнет искать «третьего». Это процесс сопровождается потерей групповой конфиденциальности, информация о происходящем внутри группы попадает во внешний мир, вызывая отчетливый аффективный отклик у посторонних людей. Этим людям кажется, что будь они членами группы, они бы «быстро восстановили справедливость»! Этот процесс бессознательной «вербовки» действительно может привести потенциального «третьего» в группу. Однако его амбиции «кризисного администратора», как правило, не оправдываются – в атмосфере «затянутого» варианта ему не удастся удержать своего Свидетеля при себе. Мессианского пафоса всегда оказывается недостаточно для разрешения сложившейся ситуации.

На этапе воплощения Свидетеля в Культуру, группу поджидают уже известные нам опасности: установившийся порядок постепенно приобретает все более ригидные черты. В этом смысле, интересна судьба носителя функции Свидетеля: за ним закрепляется роль эксперта, или даже судьи, который во все спорные моменты вносит ясность и логику. Групповым диссидентам обосновывается неадекватность их позиции, после чего они почтительно замолкают. Носитель Свидетеля ощущает себя очень мудрым и правильным, дистанцируясь от участия в «мелких» эмоциональных стычках. Тем неожиданной для него оказываются хаотические атаки^[61], прямо-таки обесценивающие его позицию. Сначала эти атаки неприцельные: группа начинает шуметь или обсуждать посторонние темы в те моменты, когда ей положено «почтительно внимать». Однако со временем, особенно если носитель не делает попытки отделить свою идентичность от функции Свидетеля, атаки приобретают отчетливо адресный характер. Упреки, касающиеся манеры держаться, личностных качеств и прочее, будут продолжаться до тех пор, пока человек – носитель функции Свидетеля не будет морально сломлен^[62]. Параллельно с описанным процессом происходит и демонтаж связей устаревшей формации, освобождающий системного Свидетеля для участия в грядущем групповом конфликте, порождающего новую формацию, новый порядок внутригрупповых связей.

Все эти процессы проявляются и в рамках учебной ситуации, например, когда склонный к авторитаризму преподаватель «узурпирует» функцию Свидетеля, становясь единственным в системе источником здравого смысла^[63]. С течением времени эта ситуация приходит к профанации и образа преподавателя, и знания, которое он транслирует. Прививкой от вышеописанных неприятностей служит способность преподавателя находить баланс между интеллектуальным отстранением и эмоциональной включенностью во взаимодействие с группой. Последнее подразумевает добровольный отказ от однозначной идентификации со Свидетелем и переход от монолога к диалогу.

13. Вместо заключения: о воплощении «свободной» формы Свидетеля.

Напоследок мы вернемся к вопросу, которому прежде не уделили должного внимания. Речь пойдет о некоторых закономерностях процесса воплощения Свидетеля.

Как уже отмечалось выше, по мере развития текущей формации, «свободной» формы становится все меньше, и, в конце концов, весь Свидетель оказывается воплощенным в существующие культурные связи. Однако до тех пор, пока этого не произошло «свободный» Свидетель – это потенциал формации, «дух эпохи», присутствие которого мы ощущаем каждый раз, когда, после некоторого замешательства находим неожиданный ответ на поставленный внешними обстоятельствами вопрос. Этот процесс сопровождается чувством удивления (изумления). Момент переживания удивления – это также момент перехода Свидетеля из «свободной» в воплощенную форму. После нескольких безуспешных попыток у

нас, наконец, что-то получилось! Первая успешная «презентация» нового навыка (адекватное действие приводит к нужному результату) всегда связана с переживанием удивления^[64].

Свидетель присутствует в собственном воплощении в двух ипостасях:

□ в своей «свободной» форме он предстает как «желаемый (идеальный) образ успешного действия» (мечта)^[65]. Этот, обладающий природой идеала, образ возникает самопроизвольно, без участия сознания и черпает свою привлекательность для Эго из источника исходной битвы (Откровения). Можно также сказать, что энергию для этого он берет от «вращающегося «волчка» текущей формации». Образ успешного действия (идеал) выполняет важную роль. Во-первых, он провоцирует, пробуждает к жизни аффекты, задействованные в исходной битве, что дает субъекту формации доступ к энергии, необходимой для совершения *любого* действия в рамках процесса развития и становления этой формации. Необходимая энергия может существовать, как в «тонкой», духовной, так и в «грубой», физической формах. Во-вторых, идеал задает направление вложения этой энергии (телеология «стремления к мечте» - основной фактор, управляющий энергиями). В-третьих, образ идеального успешного действия работает как шаблон, позволяющий, за счет соотнесения с собой, регулировать текущую деятельность. Эта регулировка во многом инстинктивна – «неправильное» действие вызывает неудовольствие, поскольку «отдаляет» субъекта от сулящего благодать идеала. И наоборот, «правильное» действие дает прилив удовольствия, потому что идеал становится чуть «ближе», доступнее^[66].

□ в своей воплощенной форме – это новые системные связи, которые делают возможным собственно само успешное действие (событие). Сам процесс воплощения происходит при помощи трансцендентной функции^[67]. На практике это означает, что *каждому акту воплощения предшествуют трудности во взаимодействии с теми или иными объектами внешнего мира (препятствие)*. Что-то должно обязательно составлять проблему для Эго, над которой приходится биться, при невозможности разрешить ее имеющимися в наличии средствами. Это необходимо, чтобы подготовить противоположности (полюса) для трансцендентной функции. На одном полюсе – обусловленная столкновением с препятствием фрустрационная беспомощность, на другом – сверкающее великолепие идеала^[68]. Возникающее между ними напряжение и разряжается трансцендентной функцией, что приводит к появлению недостающей связи – воплощению Свидетеля. Субъективно этот момент окрашивается вышеупомянутым удивлением.

Поскольку количество «свободной» формы ограничено, ее воплощение не должно быть небрежным. «Перерасход» в одном повлечет за собой ее фатальную нехватку в другом^[69]. Допустим, например, что некая исходная битва завершилась по «прямому» варианту и появившаяся новая формация строится вокруг идеи обладания собственным автомобилем. Для субъекта формации это означает цепочку действий: найти подходящую автошколу, собрать сумму денег на учебу, подружиться с инструктором, удобно устроится за рулем учебной машины, правильно отжимать сцепление, вовремя переключать передачи и прочее. Эта цепочка состоит из множества мелких звеньев (этапов), при освоении которых, от Эго требуется терпеливое внимание, и *сознательная* концентрация усилий на преодолении трудностей.

Прохождение любого такого этапа подразумевает фактическое действие в реальном мире: только действительно научившись правильно отжимать сцепление можно стронуться с места. Другими словами, *только* если событие состоялось – часть «свободной» формы получила свое воплощение.

Прежде чем, мышцы смогут адекватным образом выполнить работу (передать педали нужное усилие в нужный момент), должно произойти соответствующее согласование между ассоциативными процессами, протекающими на самых разных уровнях психофизической системы. Другими словами, обладающее высокой степенью абстрактности представление о «правильном отжимании сцепления» должно выразить себя в тонко скоординированной работе мускулатуры, благодаря которой, сцепление выжимается нужным образом. Это согласование достигается «имплантацией» новых (вертикальных и горизонтальных) связей в систему – то есть воплощением «свободной» формы.

Физическая неловкость или неопытность курсанта в рамках получения нового навыка является *обязательным условием* для воплощения Свидетеля. В противном случае, не возникнет провоцирующего для «свободной» формы психического напряжения. Без яркого

субъективного переживания собственного бессилия, унижения и страха, трансцендентная функция не сможет выполнить свою работу. «Острому» присутствию этих чувств «помогает» «свободная» форма Свидетеля, которая существует в сознании курсанта как весьма привлекательный «образ идеального действия». Именно на его фоне текущее положение дел кажется особенно плачевным. И это критический момент всего процесса воплощения, поскольку острота эмоциональных переживаний может активизировать различной силы защитную динамику, прежде чем произойдет воплощение. Возможны, на наш взгляд, два варианта развития событий.

1. Упомянутые переживания столь сильны, что включается травматическая защита. Курсант просто теряет интерес к идее. Сюжет о «зеленом винограде и фрустрированной лисе». Происходит «отщепление» образов исходной битвы (связь с идеалами разрушается травматическим защитником), и вся динамика формации регрессивно переходит в известный нам «затянутый» вариант. Воплощение может так никогда и не наступить.

2. Для субъекта формации, как и в первом варианте, фрустрация достаточно сильна, но связь с идеалами удерживается, и они по-прежнему сохраняют свою мотивирующую привлекательность. Фрустрационная проблема разрешается с помощью грез, которые дают возможность достижения образа идеального действия сразу, без кропотливой работы и мучительных переживаний собственной никчемности. Другими словами, Это просто идентифицируется с идеалом, получая незаслуженное удовольствие - в этой фантазии наш курсант автошколы сразу научился правильно отжимать сцепление. Эти грезы не так безобидны, как кажется на первый взгляд. Идентифицируясь с идеалом, Это *исчерпывает* вложенную в него энергию «свободной» формы. Именно эта энергия и питает переживание удовольствия. При этом процесс обретения навыка лишается ориентира (цели, направления), становясь дезорганизованным. Поскольку в становлении идентичности автовладельца «этап со сцеплением» миновать нельзя, то «образ идеального выжимания сцепления» будет восстановлен из оставшихся ресурсов «свободного» Свидетеля^[70]. Если описанная картина станет регулярной, то «свободная» форма истощится задолго до того, как дойдет до сдачи экзамена и, тем более, покупки собственного автомобиля. Курсант может преодолеть злополучный этап, но другие «звенья» будут лишены инвестиций «свободной» формы, что приведет к утрате ее координирующего присутствия. Аффективная составляющая утратит направление вложения и станет бесполезной для обучения. Субъективно этот процесс сопровождается потерей интереса к проекту в целом; он начинает восприниматься как бессмысленный и безнадежный и вряд ли когда реализуется на практике.

Второй вариант развития событий – это яркий пример небрежного «расхода» «свободной» формы. Другим примером такого расхода «свободного» Свидетеля является бездумное обращение к различным мантическим системам^[71]. Едва познакомившись с молодым человеком, девушка мчится к гадалке, чтобы узнать «всю правду» про своего кавалера. Точно также она поступает при любой размолвке: вместо открытого прояснения проблемных моментов в контакте с партнером, она предпочитает получить иллюзорное подтверждение о том, что «все будет хорошо». Это обращение к возможному будущему (контакт с «идеальным образом отношений») – вместо честного проживания настоящего. Проблема не прорабатывается, а «свободная» форма расходуется на практически бесполезные для отношений грезы. В то время как, именно осознание «тупика» в отношениях («неразрешимого» конфликта интересов) и полноценное переживание связанных с этим тяжелых чувств ведет к появлению в системе новых связей, необходимых для дальнейшего развития отношений^[72].

Выше уже упоминалось о том, что конструктивный контакт со «свободной» формой сопровождается удивлением. Но возможен и «контакт ради контакта». В этой ситуации освоение новой воплощенной связи в мире отношений перестает интересовать человека. Ценными становятся переживания, которые возникают в преддверии контакта со «свободной» формой. «Страсть» предвкушения чередуется с «ядом» сомнения, а «великолепное» всемогущество и «очевидная» богоизбранность сменяется «желчной» ревностью и «жгучей» завистью. Все эти переживания совсем не для человеческого контакта. Они окрашены Свидетелем в свойственные ему холодноватые, отстраненные тона. В этих переживаниях мало телесного и много интеллектуального, но это не делает их слабыми. Тяга к азартным играм (адреналиновый «кайф» от неопределенности «свободной» формы) в душе одного и

того же человека весьма успешно конкурирует с сексуальным влечением и нежностью по отношению к партнеру. А в целом ряде случаев и уверенно побеждает.

Такое «паразитирование» на «свободной» форме – также пример небрежного ее расхода, ведущий к преждевременному истощению. Этой же опасности и соблазну подвергается и так называемый «человек науки», которого поиск «вечных истин» стимулирует сильнее, чем человеческий контакт и «прелести» земной жизни^[73].

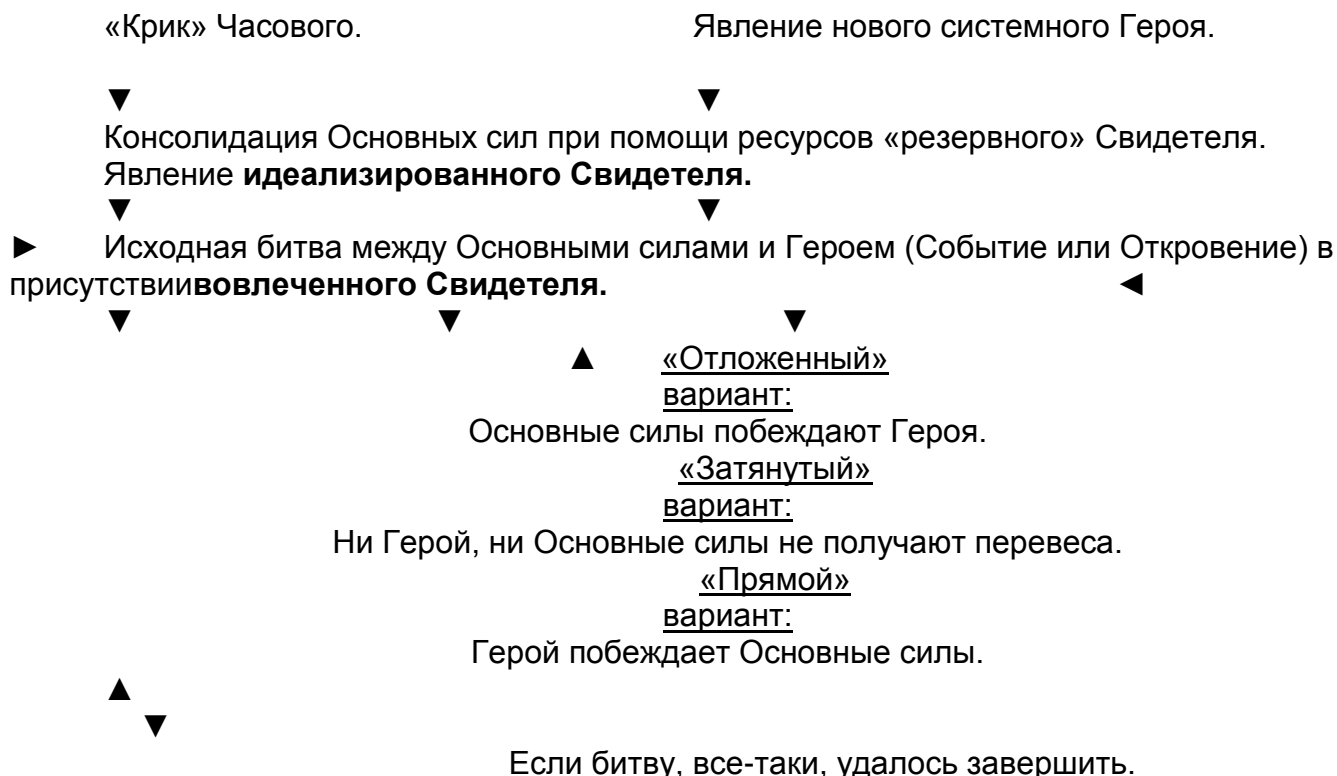
И, напоследок, вопрос, который представляет скорее академический, нежели практический интерес. Речь идет об ограничениях на упомянутый выше «поиск вечных истин». В этом смысле, исследовательская инициатива субъекта формации ограничена ее структурой и устройством, а точнее, свойствами Свидетеля. На наш взгляд, познавательный, исследовательский интерес субъекта может действовать исключительно *в рамках смыслового поля, заданного исходным Откровением*. Познавать новое означает участвовать в воплощении «свободной» формы Свидетеля текущей формации. Такой ситуацию делают два фактора.

1. *Фактор субъекта познания.* Это может осуществлять познание, только опираясь на свои эго-установки, которые, в свою очередь, теснейшим образом связаны с исходной битвой. Это подразумевает в хорошем смысле предвзятость и селективность по отношению к еще непознанному. Другими словами, Это может обнаруживать и постигать только смыслы, синтонные нуменозному пафосу исходного Откровения.

1. *Фактор объекта познания.* В поле сознания могут попасть не все потенциальные смыслы, но лишь те, которые доступны восприятию субъекта. Это автоматически означает, что они, как и субъект познания, «работают на одной частоте» с исходным Откровением. Нечто непознанное может быть обнаружено в качестве «нового знания» лишь при условии, что оно «резонирует» с субъективным чувством «внутренней правды». Все, что в этот резонанс не попадает, либо не считается достойным внимания, либо вообще (перцептивно) не замечается. В этом смысле именно «свободная» форма Свидетеля обладает необходимыми свойствами. С одной стороны, она, до момента воплощения, существует как нечто непознанное (неопределенное), с другой – сохраняет тесное «родство» с исходным Откровением.

Приложение.

«Динамический аспект паттерна Свидетеля».

Победили Основные силы.

Победил Герой

▼
▲ Основные силы преследуют Свидетеля, который спасается путем: Резервная»
часть Свидетеля после поражения Основных сил превращается в **восточный артефакт**.
(«след» ушедшего порядка в рамках текущей формации). ▲

▼
«Шифрования»

▼
Лавинообразной трансляции.

▲ Начало – становление - стагнация формации.

Это самый протяженный во времени этап функционирования системы. Это также фазовоуплощенного **Свидетеля**, который по мере развития формации расходует свою «свободную» форму до тех пор, пока полностью не воплотится в культурных связях. Параллельно с ним существует Свидетель в ипостаси остаточного артефакта, благодаря которому сохраняется преемственность между ушедшей и текущей формациями. ▲

▼
«Хаотические атаки» и освобождение Свидетеля от «плена» воплощения в культуре. В воплощенном состоянии («в плену») остается небольшой «резерв».

▼
◀ Основные силы отправляются к месту новой исходной битвы в обществе «резервного» Свидетеля, благодаря которому они способны скоординироваться вокруг идеалов и ценностей текущей формации.

Освобожденный Свидетель отправляется к «месту» новой исходной битвы в ипостаси идеализированного Свидетеля.

[1] Опубликовано: Уральский психоаналитический вестник №2. Екатеринбург: Издательство Уральского университета. 2005.

[2] Энциклопедический юридический словарь/Под общ. Ред. В.Е. Крутских. – 2-е изд. – М.: ИНФРА-М, 1999. С. 284.

[3] На самом деле это умственное упражнение имеет только академическую ценность, потому что все системы нашей конвенциональной реальности подчинены принципу гомеостаза. Отказ от него делает само понятие системы бессмысленным.

[4] Именно так описываемая проблема решена в аналитической психологии. См. тему взаимодействия Самости и Эго (Юнг К.Г. Ответ Иову. М.: Канон. 1995. С. 303-304). Самость, как «инициатор всей психической жизни» может быть синонимом инновационной части системы, а Эго и Персона – текущей или консервативной.

[5] См.: Кононов Р.А. Часовой. Комментарии к системным процессам./Уральский психоаналитический вестник. Екатеринбург: Изд-во Уральского государственного университета. 2002.

[6] Моник Ю. Фаллос. Священный мужской образ. М.: ИНФРА-М, 2000, с. 73-74.

[7] Волчок, раскручивающийся под действием антагонистических сил, это хорошая метафора работы трансцендентной функции. См.: Э. Сэмуэлз, Б. Шортер, Ф. Плот. Критический словарь аналитической психологии. М.: ЭСИ, 1994, с. 156-157.

[8] В бессмертном романе Александра Дюма «Сорок пять» есть эпизод, в котором прекрасно показано не только поведение, но и внутренний мир Свидетеля, оказавшегося в самом центре битвы. Любопытные могут еще раз перечитать главу XXIII «О том, как вел себя король Генрих Наваррский, когда впервые пошел в бой», где Генрих – новый системный Герой, а вездесущий Шико – Свидетель.

- [9] Персонификатор Основных сил является отдельным «системным узлом», как Свидетель или Герой и называется «Навигатор». В рамках данной работы описание его специально «вынесено за скобки», чтобы не загромождать дополнительными смыслами и без того объемный текст.
- [10] Герой также деградирует, цель теряет ясность, аффект перестает группироваться вокруг нее, вырождаясь в «бесцельное» насилие.
- [11] В данной работе используется юнговский ракурс на аффект. См.: Юнг К.Г. Психологические типы. С-Пб: Ювента, М.: Прогресс-Универс, 1995, с. 502.
- [12] Э. Сэмюэлз, Б. Шортер, Ф. Плот. Критический словарь аналитической психологии. М.: ЭСИ, 1994, с. 110-111.
- [13] В данном случае действует последовательная «цепочка» вида: «если – то» («если мальчик любит труд, тычет в книжку пальчик, про такого говорят: он – хороший мальчик»).
- [14] См. в этом же сборнике: Кононов Р.А. «Источник и перспективы морального опыта».
- [15] Э. Сэмюэлз, Б. Шортер, Ф. Плот. Критический словарь аналитической психологии. М.: ЭСИ, 1994, с. 101.
- [16] Юнг К.Г. Брак как психологическое отношение./Конфликты детской души. М.: Канон, ОИ «Реабилитация», 1997, с. 216-217.
- [17] Мифологически, персонификатор *проигрывающих* Основных сил представляется хтоническим или демоническим персонажем (Идолище Поганое, Соловей-разбойник, Медуза Горгона и прочее). Традиционно, хтоническими признаками наделены персонажи некой прошлой или уходящей формации в противовес четким антропоморфным чертам нового системного Героя (Илья Муромец, Геракл и прочее). Однако это правило имеет исключения. Если формация молода и в силе, то персонификатором Основных сил в битве с нарушителями системных границ будет персонаж с отчетливо антропоморфными чертами, тогда как его противник – наоборот, будет иметь в своем облике хтонические элементы (уродливое, многорукое, многоголовое чудовище). Один и тот же мифологический образ может выражать как Героя, так и персонификатора Основных сил, в зависимости от состояния системы.
- [18] Разумеется, интерпретация должна быть аутентичной психологической правде клиента. В противном случае, ни одна из его внутренних, скрытых сущностей не сможет воспользоваться смыслами, заложенными в интерпретации для собственного воплощения в поле сознания.
- [19] Свидетель может быть восстановлен через работу сновидения, которое, в силу своей компенсаторной природы, способно выразить в себе подавленное психическое содержание.
- [20] Обострение симптома соответствует началу битвы.
- [21] Это, однако, совершенно бесполезно, поскольку этот человек – носитель *ваших* проекций. Ваши судьбы оказываются *синхронизированными*, и вы будете все время, пока битва таки не завершится, находить друг друга. См., описанный Юнгом феномен «синхронии» (Зеленский В. Аналитическая психология. Словарь. С-Пб.: БСК, 1996, с. 206-207).
- [22] Любая состоявшаяся Персона, в нашей терминологии, это текущая системная формация, т.е. результат когда-то успешно завершённой первичной битвы. Она обладает развитой системой связей, вовлечение в которые рождает ощущения устойчивости и определенности. Эго как бы использует Свидетеля, воплощенного в связях этой Персоны.
- [23] Россохин А.В., Измагурова В.Л. Личность в измененных состояниях сознания. М.: Смысл, 2004, с. 27, 28.
- [24] Хочется на всякий случай отметить, что аффект, заполняющий Эго аналитика и позволяющий ему играть героическую роль в драме клиента, может происходить не от его Героя, но от его собственных Основных сил.
- [25] Суммарный Свидетель является, на наш взгляд, важнейшей составляющей того, что называют «третьим аналитическим субъектом». См.: Огден. Т. Мечты и интерпретации. М.: Независимая фирма «Класс», 2001, сс. 15, 24.
- [26] Этого нет в «затянута» варианте, где Свидетель спроецирован вместе с Героем, т.е. «убран» из сферы господства Основных сил. Поэтому опасность грозит ему только в моменты возобновления битвы. То, что угрожает Герою, угрожает и Свидетелю. Это значит, что здесь фактор угрозы Свидетелю не вносит своего специфического вклада в системную динамику.
- [27] Речь идет об архетипической фигуре Трикстера. В данной работе его психодинамика не рассматривается.
- [28] Это «умение» напрямую проистекает из его свойств. См. об этом далее (пункт. 9).

[29] В чем-то этот процесс похож на описанную З. Фрейдом «искажающую деятельность сновидения» (см.: Фрейд З. Толкование сновидений. С-Пб.: Алетейя, 1998, сс. 159-160, 285, 450). Основным силам, которые подобно фрейдовской *цензуре* представляют собой карающую власть, предъявляется лишь *манифестная* часть сновидения, скрывающая его подлинный, враждебный цензуре смысл.

[30] Юнг К.Г. Функции сна./Подход к бессознательному//Человек и его символы. С-Пб.: БСК, 1996, с. 43.

[31] Чтобы Основные силы могли уничтожить Свидетеля, он, хотя бы на короткий миг, должен быть распознан Эго.

[32] О крахе иллюзии «объективного наблюдения» см., например, Дж. Деверо. О работах Джоржа Деверо. / Личность, культура, этнос. Современная психологическая антропология. Под ред. А.А. Белика. М.: Смысл, 2001, с. 136.

[33] Здесь Свидетель выступает как рассказчик-летописец. Его присутствие обязательно во всех религиозных, научных (особенно – посвященных истории), литературных трудах, написанных теми или иными субъектами текущей формации. См., в связи с этим: Хиллман Дж. Исцеляющий вымысел. С-Пб.: БСК, 1997.

[34] С сожалением приходится отметить, что это «место» принципиально недостижимо, поскольку момент, когда формация окажется в этой великолепной утопии, по оси времени находится гораздо позднее, нежели отпущенный системе срок. Дело в том, что условием достижения утопии является *полное воплощение ценностей и идеалов Героя*, но с другой стороны, выполнение этого условия – сигнал к реформированию ригидной системы. Всякий раз формация разрушается прежде, чем превращается в долгожданную утопию.

[35] Герою нет смысла появляться раньше времени. Сначала должны быть полностью ассимилированы последствия его предыдущего появления.

[36] В этой ситуации воплощенный Свидетель «подобен «*anima in corpore*» (душе в оковах), желающей освободиться из заключения в сотворенной материи...». См.: Юнг К.Г. Современный миф. О вещах, наблюдаемых в небе.

[37] О психотерапевтической помощи человек начинает всерьез задумываться именно вначале «хаотических» атак. Это значит, что психотерапевт имеет дело со Свидетелем, чья формация уже «на излете». Драма в том, что Свидетель привык все время находиться на стороне правды, добра, справедливости, как это было во времена исходной битвы. Поэтому истории, которые он рассказывает, передает только часть реальности, утаивая накопленную за время господства гигантскую Тень (источник «хаотических» атак).

[38] Чтобы не загромождать чертеж, в динамической схеме паттерна (Приложение) место остаточного артефакта показано, только в рамках «прямого» варианта.

[39] «Сейчас, в 83 года, я предпринимаю попытку объективно рассмотреть мою жизнь. Таким образом я создаю личный миф. Все, что я могу сделать, - это утверждать нечто, "рассказывать истории". Говорю я правду или нет - не важно. Важно лишь, что это *моя история, моя правда*.» (Юнг К.Г. Воспоминания, сновидения, размышления. Минск: ООО "Харвест", 2003, с. 14).

[40] Как, например, это делается в НЛП. Речь идет о «якоре», обладающем рядом общих свойств с остаточным артефактом. См.: Олдер Г. Хэзер Б. NLP. Полное практическое руководство. София, 2000.

[41] В.М. Прямин-Морозов. О символических степенях масонства. Журнал «Изида», декабрь 1910 г. и декабрь 1911 г./Энциклопедия оккультизма. Том 1. М.: Аверс, 1992.

[42] Ср. с концепцией «переходного объекта». (Винникотт Д. Игра и реальность. М.: Институт общегуманитарных исследований. 2002, сс. 16-20).

[43] Это означает, что эти символы можно использовать для выражения текущих аффективных нужд и контроля над ними.

[44] Шутценбергер А. Синдром предков: Трансгенерационные связи, семейные тайны, синдром годовщины, передача травм и практическое использование геносоциограммы. М.: Изд-во института психотерапии, 2001, с. 64.

[45] Напомним, что в аналитической психологии становление Эго рассматривается через призму героического мифа. «Эго как Герой» см.: Нойманн Э. Происхождение и развитие сознания. «Рефл-Бук» и «Ваклер», 1998.

[46] Комплекс упорядочивает информацию (ассоциативные связи) вокруг «ядра» травматического опыта. См.: Юнг К.Г. Проблемы души нашего времени. М., 1993, с. 94-96.

Гипотетическая попытка «считать» информацию с комплекса без участия Свидетеля обернется лавинообразным высвобождением травматического аффекта с нулевым результатом для адаптации.

[47] См.: Юнг К.Г. Подход к бессознательному./ Человек и его символы. С-Пб.: БСК, 1996, с. 69.

[48] Само Откровение или момент битвы Героя с Основными силами существует в психике как травматическое, «конфликтное» ядро вокруг которого «построен» комплекс. Поэтому обращение к энергиям Откровения, с точки зрения структуры психики, совпадает с обращением к энергиям комплекса.

[49] Всякий конфликт бессознательно напоминает об исходной битве.

[50] Орлов А. Б. Психология личности и сущности человека: парадигмы, проекции, практики. М., 1995.

[51] См. Зинченко П.И. Непроизвольное запоминание и деятельность./Психология памяти. Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер и В. Я. Романова. – 3-е изд.- М.: ЧеРо, 2002, с. 486.

[52] Кононов Р.А. Часовой. Комментарии к системным процессам./Уральский психоаналитический вестник. Екатеринбург: Изд-во Уральского государственного университета. 2002.

[53] Эта эго-установка так же, как и архетипический паттерн в фазе «идеализированного» Свидетеля, порождает отношение с объектом, но акценты в нем расставлены уже совершенно по-другому. В паттерне, из-за специфики обращения психики с нуменозно окрашенным содержанием, «центр тяжести» проективно смещен в объект, который поэтому окружен харизматическим ореолом и кажется грандиозным на фоне «малости» субъекта. Эго-установка же основана на одноименном комплексе, который возник в результате интернализации этого паттерна. Теперь «центр тяжести» находится в позиции субъекта эго-установки, который воспринимает значимым и грандиозным себя самое, а не объект.

[54] Существует, на наш взгляд, своеобразная страховка от описанного патологического развития ситуации. Это связано с опытом успешного проживания т.н. «полного морального цикла» (см. «Источник и перспективы морального опыта» в данном сборнике). Человек, переживший такой опыт, в какой-то мере защищен от бессознательной идентификации с комплексом.

[55] См.: Калшед Д. Внутренний мир травмы. М.: Академический проект. Екатеринбург: Деловая книга. 2001.

[56] Т.е., воспроизводя паттерн «авторитет – ничтожество».

[57] Также можно говорить о давлении на Эго аналитика его собственной травмированной части, пробудившейся в ответ на психодинамику клиента.

[58] В этой ситуации аналитик уподобляется принцу из сказки о Рапунцели. Ослепленный ведьмой (травматическим Защитником), беспомощно блуждающий по лесу, он лишен возможности адекватно взаимодействовать с окружающим миром.

[59] Юнг К.Г. Брак как психологическое отношение./Конфликты детской души. М.: Канон, ОИ «Реабилитация», 1997.

[60] В рамках данной работы, мы не имеем возможности остановиться на этой теме более подробно.

[61] Это входит в системную динамику Повелитель Игры – еще одна из значимых системных функций. Поскольку обсуждение его работы потребует отдельного времени, ограничимся только этой маркировкой.

[62] Логично предположить, что в этот момент человек, бывший носителем Свидетеля, будет изгнан из группы, что символизировало бы для нее окончательную смену прежнего порядка. Однако в действительности такое случается редко, поскольку этот человек – идеальный кандидат на роль хранителя остаточного артефакта. Сохранив его в своих рядах, групповая система решает проблему *преемственности*, создавая условия для развития групповой идентичности.

[63] Позиция преподавателя (учителя) в силу своей специфики тяготеет к идентификации со Свидетелем, что является, на наш взгляд, основной причиной «профессиональной деформации» педагога.

[64] «Способность удивляться – признак гибкости (молодости) разума». Ригидная, «костенеющая» формация – близкая к новой исходной битве – не приемлет удивления. Не

столько потому, что это «не принято», сколько оттого, что «свободной» формы у нее практически не осталось – то, чему можно было удивляться – израсходовано!

[65] Идеал или мечта – это своего рода «переходное состояние» Свидетеля (вероятность), находящееся между полной *неопределенностью* (вообще недоступной для сознательного восприятия) и конечной, воплощенной формой (полная *определенность* и инвариантность).

[66] Описание процесса регулирования представлено в несколько упрощенном виде. Более подробно см. работу в этом же сборнике «Источник и перспективы морального опыта» («этическая апперцепция: телеологический ракурс»).

[67] Сэмьюэлз Э., Шортер Б., Плот Ф. Критический словарь аналитической психологии К.Г. Юнга. М.: ЭСИ, 1994, с. 156-157.

[68] Идеал попадает в поле сознания именно в момент переживания беспомощности. До фрустрации наличие идеала для Эго неочевидно.

[69] Это, в свою очередь, означает, что строящаяся формация недополучит для своего развития «*связующих* узлов и механизмов». Этот дефицит «связей» приведет к тому, что некоторые части системы либо не будут подвергнуты реформированию, либо останутся в неразвитом состоянии. Это значит, что они останутся изолированными от обновляющего контакта с энергетикой исходной битвы текущей формации и в лучшем случае будут мертвым грузом для процесса саморегуляции. Это подразумевает низкий уровень внутренней координации системы и ее неспособность быть достойным противником новому системному Герою. От этого, в свою очередь, зависит устойчивость прецессии «волчка» (жизнеспособность) *следующего* системного равновесия (см. пункт №3).

[70] Конечно, фантазия может выполнять и полезную работу, но при условии, что в процессе фантазирования идеал остается неприкосновенным. «Обладание» конечной целью процесса лишает сам процесс смысла.

[71] Китайцы очень бережно относятся к своей «Книге перемен» (И-Цзин), не беспокоя ее по пустячным поводам. Обращение к «оракулу» имеет смысл лишь тогда, когда «человеческие» (сознательные) силы перед лицом невзгод практически исчерпаны. Именно это делает работу любой мантической системы эффективной.

[72] Своеобразной гарантией от нецелевого расхода «свободной» формы служит эго-установка «на процесс» а не «на результат». «Делаем что возможно – и посмотрим, что получится!». Это подразумевает способность Эго откладывать немедленное удовлетворение. «Цель важна только как идея; самое важное – это *opus* (то есть работа над собой), который приводит к цели» (Юнг К.Г. «Психология переноса»).

[73] См. об этом: Шарп Д. Незримый ворон. Конфликт и трансформация в жизни Франца Кафки. Воронеж: НПО «Модэк», 1994, с. 75.